

- [Уильям Шекспир](#)
- [ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА](#)
- [АКТ I](#)
- [СЦЕНА 2](#)
- [АКТ II](#)
- [СЦЕНА 2](#)
- [АКТ III](#)
- [СЦЕНА 2](#)
- [СЦЕНА 3](#)
- [АКТ IV](#)
- [АКТ V](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [«БУРЯ»: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «БУРИ»](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Уильям Шекспир

Буря

William Shakespeare The Tempest

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алонзо, король Неаполитанский.

Себастьян, его брат.

Просперо, законный герцог Миланский.

Антонио, его брат, незаконно захвативший власть в Миланском герцогстве.

Фердинанд, сын короля Неаполитанского.

Гонзало, старый честный советник короля Неаполитанского.

Адриан, *Франсиско*, придворные.

Калибан, раб, уродливый дикарь.

Тринкуло, шут.

Стефано, дворецкий, пьяница.

Капитан корабля.

Боцман.

Матросы.

Миранда, дочь Просперо.

Ариэль, дух воздуха.

Ирида, *Церера*, *Юнона*, *Нимфы*, *Жнецы* — духи.

Другие духи, покорные Просперо.[1](#)

Место действия — корабль в море, остров.

АКТ I

СЦЕНА 1

*Корабль в море. Буря. Гром и молния. Входят **Капитан** корабля и **Боцман**.*

Капитан

Боцман!

Боцман

Слушаю, Капитан.

Капитан

Зови команду наверх! Живей за дело, не то мы налетим на рифы. Скорей!.. Скорей!..

***Капитан** уходит; появляются **матросы**.*

Боцман

Эй, молодцы!.. Веселей, ребята, веселей!.. Живо! Убрать марсель!.. Слушай Капитанский свисток!.. Ну, теперь, ветер, тебе просторно — дуй, пока не лопнешь!

Входят Алонзо, Себастьян, Антонио, Фердинанд, Гонзало и другие.

Алонзо

Добрый Боцман, мы полагаемся на тебя. А где Капитан? Мужайтесь, друзья!

Боцман

А ну-ка, отправляйтесь вниз.

Антонио

Боцман, где Капитан?

Боцман

А вам его не слышно, что ли? Вы нам мешаете! Отправляйтесь в каюты! Видите, шторм разыгрался? А тут еще вы...

Гонзало

Полегче, любезный, усмирись!

Боцман

Когда усмирится море!.. Убирайтесь! Этим ревущим валам нет дела до королей! Марш по каютам!.. Молчать!.. Не мешайте!..

Гонзало

Все-таки помни, любезный, кто у тебя на борту.

Боцман

А я помню, что нет никого, чья шкура была бы мне дороже моей собственной! Вот вы, советник. Может, посоветуете стихиям утихомириться? Тогда мы и не дотронемся до снастей. Ну-ка, употребите вашу власть! А коли не беретесь, то скажите спасибо, что долго пожили на свете, проваливайте в каюту да приготовьтесь: неровен час, случится беда. — Эй, ребята, пошевеливайся! — Прочь с дороги, говорят вам!

Все, кроме Гонзало, уходят.

Гонзало

Однако этот малый меня утешил: он отъявленный висельник, а кому суждено быть повешенным, тот не утонет. О Фортуна, дай ему возможность дожить до виселицы! Сделай предназначенную для него веревку нашим якорным канатом: ведь от корабельного сейчас пользы мало. Если ему не суждено быть повешенным, мы пропали.

Гонзало уходит, Боцман возвращается.

Боцман

Опустить стеньгу! Живо! Ниже! Ниже!.. Попробуем идти на одном гроте.

Слышен крик.

Чума задави этих горлодеров! Они заглушают и бурю, и Капитанский свисток!

Возвращаются Себастьян, Антонио и Гонзало.

Опять вы тут? Чего вам надо? Что же, бросить все из-за вас и идти на дно? Вам охота утонуть, что ли?

Себастьян

Язва тебе в глотку, проклятый горлан! Нечестивый безжалостный пес — вот ты кто!

Боцман

Ах так? Ну и работайте тогда сами!

Антонио

Подлый трус! Мы меньше боимся утонуть, чем ты, грязный ублюдок, наглая ты скотина!

Гонзало

Он-то уж не потонет, если б даже наш корабль был не прочней ореховой скорлупы, а течь в нем было бы так же трудно заткнуть, как глотку болтливой бабы.

Боцман

Держи круче к ветру! Круче! Ставь грот и фок! Держи в открытое море! Прочь от берега!

Вбегают промокшие матросы.

Матросы

Мы погибли! Молитесь! Погибли!

(Уходят.)

Боцман

Неужто нам придется рыб кормить?

Гонзало

Король и принц мольбы возносят к богу.
Наш долг быть рядом с ними.

Себастьян

Я взбешен.

Антонио

Нас погубила эта шайка пьяниц!..
Горластый пес! О, если б утонул
Ты десять раз подряд, избитый морем!

Гонзало

Нет, поручусь, — он виселицей кончит,

Хотя бы все моря и океаны
Уговорились потопить его!

Голоса

(внутри корабля)

Спасите!.. Тонем! Тонем!.. Прощайте, жена и дети! Брат, прощай!..
Тонем! Тонем! Тонем!..

Антонио

Погибнем рядом с королем!

Все, кроме Гонзало, уходят.

Гонзало

Я бы променял сейчас все моря и океаны на один акр бесплодной земли — самой негодной пустоши, заросшей вереском или дроком. Да свершится воля господня! Но все-таки я бы предпочел умереть сухой смертью!

(Уходит.)

СЦЕНА 2

*Остров. Перед пещерой Просперо.
Входят **Просперо** и **Миранда**.*

Миранда

О, если это вы, отец мой милый,
Своею властью взбунтовали море,
То я молю вас усмирить его.
Казалось, что горящая смола
Потоками струится с небосвода;
Но волны, достигавшие небес,
Сбивали пламя.
О, как я страдала,
Страдания погибавших разделяя!
Корабль отважный, где, конечно, были
И честные и праведные люди,
Разбился в щепы. В сердце у меня
Звучит их вопль. Увы, они погибли!
Была бы я всемогущим божеством,
Я море ввергла бы в земные недра
Скорей, чем поглотить ему дала бы
Корабль с несчастными людьми.

Просперо

Утешься!
Пусть доброе твое не стонет сердце:
Никто не пострадал.

Миранда

Ужасный день!

Пресперио

Никто не пострадал. Я все устроил,
Заботясь о тебе, мое дитя, —
О дочери единственной, любимой!
Ведь ты не знаешь — кто мы и откуда.
Что ведомо тебе? Что твой отец
Зовется Пресперио и что ему
Принадлежит убогая пещера.

Миранда

Расспрашивать мне в мысль не приходило.

Пресперио

Настало время все тебе открыть.
Но помоги мне снять мой плащ волшебный![2](#)
(Снимает плащ.)
Лежи, могущество мое.
(Миранде.)
Утешься,
Отри, Миранда, слезы сострадания:
Столь бедственное кораблекрушение,

Которое оплакиваешь ты,
Я силою искусства своего
Устроил так, что все остались живы.
Да, целы все, кто плыл на этом судне,
Кто погибал в волнах, зовя на помощь,
С их головы и волос не упал.
Садись и слушай: все сейчас узнаешь.

Миранда

Вы часто собирались мне открыть,
Кто мы; и прерывали свой рассказ
Словами: «Нет, постой, еще не время...»

Просперо

Но пробил час — внимай моим речам.
Когда в пещере поселились мы,
Тебе едва исполнилось три года,
И ты, наверное, не можешь вспомнить
О том, что было прежде.

Миранда

Нет, я помню.

Просперо

Ты помнишь? Что же? Дом или людей?
Поведай обо всем, что сохранила
Ты в памяти своей.

Миранда

Так смутно-смутно,
Скорей на сон похоже, чем на явь,
Все то, что мне подсказывает память.
Мне кажется, что будто бы за мной
Ухаживали пять иль шесть прислужниц.

Просперо

И более. Но как в твоём сознание
Запечатлелось это? Что ещё
В глубокой бездне времени ты видишь?
Быть может, помня, что происходило
До нашего прибытия на остров,
Ты вспомнишь, как мы очутились здесь?

Миранда

Нет, не могу, отец!

Просперо

Двенадцать лет!
Тому назад двенадцать лет, дитя,
Родитель твой был герцогом миланским,
Могущественным князем.

Миранда

Как? Так вы
Мне не отец?

Просперо

От матери твоей,
В которой воплотилась добродетель,
Я знаю, что ты дочь моя. И все же
Был герцогом миланским твой отец,
А ты — наследницей его владений.

Миранда

О небеса! Какое же коварство
Нас привело сюда? Иль, может, счастье?

Просперо

То и другое вместе: нас изгнало

Коварство, счастье — привело сюда.

Миранда

Ах! Сердце кровью облилось при мысли
О том, что я напостила невольна
Вам горести бывае... Что же дальше?

Просперо

Мой младший брат Антонио, твой дядя...
Узнай, Миранда, что и брат родной
Порой врагом бывает вероломным!..
Его любил я больше всех на свете
После тебя; я поручил ему
Делами государства управлять.
В то время герцогство мое считалось
Первейшим из владений италийских,
А Просперо — первейшим из князей,
В науках и в искусствах умудренным.
Занятными своими поглощен,
Бразды правленья передал я брату
И вовсе перестал вникать в дела.
И тут, Миранда, твой коварный дядя...
Ты слушаешь меня?

Миранда

Со всем вниманьем!

Просперо

Он изучил, когда на просьбы надо
Согласьем отвечать, когда — отказом;
Кого приблизить, а кого сослать.
Он слуг моих себе служить заставил,
Переманил к себе моих друзей;
Держа в руках колки от струн душевных,
Он все сердца на свой настроил лад.
Вкруг моего державного ствола
Обвился он, как цепкая лиана,
И высосал все соки...

Миранда

Ах, отец!

Просперо

Но слушай дальше. Отойдя от дел,
Замкнувшись в сладостном уединенье,
Чтобы постичь все таинства науки,
Которую невежды презирают,
Я разбудил в своем коварном брате
То зло, которое дремало в нем.
Как, балуя, отец ребенка губит,
Так в нем мое безмерное доверье
Взрастило вероломство без границ.
Брат, опьяненный герцогскою властью,
Могуществом, богатством, и почетом,
И всеми атрибутами величья,

Которые ему я предоставил,
Как своему наместнику, решил,
Что он воистину миланский герцог:
Так лжец, который приучил себя
Кривить душой, быть с истиной в разладе,
Подчас в свою неправду верит сам.
Все возрастало честолюбие брата...
Ты слушаешь, Миранда?

Миранда

Ваш рассказ
Заставит и глухого исцелиться!

Просперо

Он грань хотел стереть меж тем, чем был
И чем казался; он хотел Миланом
Владеть один, всецело, безраздельно.
Ведь Просперо — чудак!
Уж где ему
С державой совладать?
С него довольно
Его библиотеки!..
И настолько
Мой брат стал жаждой власти одержим,
Что с королем Неаполя стакнулся:
Дань обещал выплачивать ему,
Признать себя вассалом королевским
И подчинить свободный мой Милан —
Увы, неслыханное унижение —
Короне неаполитанской...

Миранда

Боже!

Просперо

За это выторговал он... Скажи-ка,
Не изверг ли? И это брат родной!

Миранда

Я вашу матушку не осужу:
Злодеев носит и благое чрево.

Просперо

Итак, каков же был позорный торг?
Король Неаполя, мой враг заклятый,
С Антонио о том договорился,
Чтобы в обмен на денежную дань,
На подчиненье герцогства короне
Отдать изменнику мои права
И титул герцогский, изгнав меня
И весь мой род навеки из Милана.
Так и сбылось: в условленную ночь
Открыл мой брат ворота городские,
Своих пособников впустил в Милан,
И в ту же ночь нас увезли в изгнание

Его клеветы. Ты рыдала горько...

Миранда

Увы! Не помню, как тогда рыдала,
Но заново сейчас об этом плачу:
Для слез моих достаточно причин.

Просперо

Еще немного потерпи — и повесть
Я доведу до нынешнего дня;
Иначе мой рассказ без смысла будет.

Миранда

Но почему же нас не умертвили?

Просперо

Законен твой вопрос. Они не смели!
Народ меня любил. Они боялись
Запачкаться в крови; сокрыть хотели
Под светлой краской черные дела.
Итак, поспешно вывезя на судне,
В открытом море нас пересадили
На полусгнивший остов корабля

Без мачты, без снастей, без парусов,
С которого давно бежали крысы,
И там покинули, чтоб, нашим стонам
Печально вторя, рокотали волны.
А вздохи ветра, вторя нашим вздохам,
Нас отдаляли от земли...

Миранда

О ужас!
И я была обузой вам!

Просперо

Напротив,
Ты ангелом-хранителем была!
Божественным неведеньем сияя,
Ты кротко улыбалась мне, в то время
Как я стонал и слезы проливал
Под бременем обрушившейся скорби.
Твоя улыбка придала мне силы
И укрепила мужество мое.

Миранда

Но как спаслись мы?

Просперо

Волей провиденья.
Один вельможа неаполитанский,
По имени Гонзало, тот, кому
Отправить нас на гибель поручили,
Из состраданья наделил нас пищей
И пресною водой, дал нам одежду
И все необходимые припасы.
К тому же, зная, как я дорожу
Своими книгами, он мне позволил
С собою захватить те фолианты,
Что я превыше герцогства ценю.

Миранда

Ах, если б я могла его увидеть!

Просперо

Теперь я встану!
(Надевает свой плащ.)
Ты же, дочь моя,
Сиди и слушай о конце скитаний.
На этот остров выбросило нас.
И тут я стал учителем твоим —
И ты в науках преуспела так,
Как ни одна из молодых принцесс,
У коих много суетных занятий
И нет столь ревностных учителей.

Миранда

Вам воздадут за это небеса!
Но я, отец, еще не понимаю,
Зачем вы бурю вызвали?

Просперо

Узнай!
Случилось так, что щедрая Фортуна,
Теперь благоволящая ко мне,
Врагов моих направила сюда.
Исчислил я, что для меня сегодня
Созвездия стоят благоприятно;
И если упущу я этот случай,
То счастье вновь меня не посетит.
Но больше мне не задавай вопросов.
Ты хочешь спать. То будет сон благой.
Ему сопротивляться ты не в силах.

Миранда засыпает.

Сюда, ко мне, слуга мой и помощник!
Я жду тебя! Приблизься, Ариэль!

Появляется Ариэль.

Ариэль

Приветствую тебя, мой повелитель!
Готов я сделать все, что ты прикажешь:
Плыть по волнам, иль ринуться в огонь,
Иль на кудрявом облаке помчаться.
Вели — и все исполнит Ариэль!

Просперо

Ты выполнил ли все мои приказы
О буре?

Ариэль

Сделал так, как ты велел.
На королевский я напал корабль;
Повсюду там — от носа до кормы,
На палубе, и в трюме, и в каютах —
Я сеял ужас; пламенем взвивался
На мачте, на бушприте и на реях.
Быстрей, неуловимей не бывают
И молнии, которые Юпитер
Шлет как предтеч раскатов громовых.
И от сверканья, грохота и дыма
Затрепетал в пучине сам Нептун,
Его трезубец грозный задрожал.
И в ужасе взметнулись к небу волны.

Просперо

Прекрасно! Кто ж остался духом тверд?
В сумятице кто сохранил рассудок?

Ариэль

Никто. Все обезумели от страха
И начали бессмысленно метаться.
Все друг за другом, кроме моряков,
Кидаться стали в пенистую бездну.
Чтобы спастись от пламени пожара,
Который я зажег на корабле.
Сын королевский, Фердинанд, был первым,
И волосы его стояли дыбом,
Когда он прыгнул в волны, закричав:
«Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»

Просперо

Вот как? Но берег был недалеко?

Ариэль

Да, господин.

Просперо

И все они спаслись?

Ариэль

Все невредимы. Даже их одежда

Не тронута, ни пятнышка на ней.
Как ты мне повелел, я разбросал их
По острову; а королевский сын
Оставлен мной один в пустынном месте
Вздыхает он, в тоске ломая руки.

Просперо

Что с королевским кораблем ты сделал,
С матросами и с флотом остальным?

Ариэль

Корабль стоит на якоре в той бухте,
Куда меня призвал ты как-то в полночь
Сбирать росу Бермудских островов.[3](#)
Весь экипаж я крепко запер в трюме:
Там моряки усталостью своей
И волшебством моим усыплены.
А королевский флот, который я
По морю Средиземному рассеял,
Соединился вновь и держит путь
Домой, в Неаполь, с грустными вестями:
Ведь все видали, что корабль разбился
И что король погиб.

Просперо

Так, Ариэль!
Ты порученье выполнил отлично.

Но дело есть еще. Который час?

Ариэль

Уже за полдень.

Просперо

Два часа, не меньше.

А до шести должны мы все успеть.

Ариэль

Ты шлешь меня на новые труды?

Позволь же, господин, тогда напомнить:

Ведь ты мне обещал...

Просперо

Как? Недовольство?

Чего ты хочешь от меня?

Ариэль

Свободы!

Просперо

Чтоб я тебя до срока отпустил?
И слышать не хочу о том.

Ариэль

Но вспомни —
Тебе служил я преданно и честно,
Без лени, без ошибок, без обмана,
И жалоб от меня ты не слышал.
Ты обещал меня освободить
За год до срока.

Просперо

Ах, неблагодарный!
Забыл ты, от каких мучений страшных
Я спас тебя?

Ариэль

О нет!

Просперо

Нет, ты забыл!
А разве сделанное мной добро
Того не стоит, чтобы, мне служа,
Ты в бездну вод соленых погружался,
Летел на крыльях северного ветра
Иль пробивался в скованные льдом
Земные недра?

Ариэль

Стоит, господин.

Просперо

О лживый дух, ты все забыл. Припомни
Ужасную колдунью Сикораксу,
Которая от старости и злобы
В дугу согнулась! Помнишь ты ее?

Ариэль

Да, господин.

Просперо

Где родилась она?
Ну, отвечай!

Ариэль

В Алжире.

Просперо

Так. Раз в месяц
Тебе о ней напоминать я должен.
За колдовство и разные злодеяния,
О коих мне и говорить противно,
Изгнали Сикораксу из Алжира.
Но все-таки оставили ей жизнь,
Не знаю уж за что. Ну, так ли это?

Ариэль

Да, господин.

Просперо

Матросы эту ведьму
С ее исчадьем привезли сюда.
Теперь — мой раб, ты ей тогда служил.

Но ты был слишком чист, чтоб выполнять
Ее приказы скотские и злые;
Нередко проявлял ты непокорство.
И вот колдунья в ярости своей,
Призвав на помощь более послушных
И более могущественных духов,
В расщелине сосны тебя зажала,
Чтоб там ты мучился двенадцать лет.
Тот срок истек, но умерла колдунья,
А ты остался в тягостной тюрьме
И воплями весь остров оглашал.
Тогда еще здесь не было людей,
Коль не считать поганого отродья
Проклятой ведьмы; он один здесь жил.

Ариэль

Да, Калибан здесь жил тогда один.

Просперо

Тот самый Калибан, тупой и темный,
Которого держу я для услуг.
Ты помнишь ли, в каких жестоких муках
Ты изнывал, когда сюда я прибыл?
Твоим стенаньям вторя, выли волки,
Внушал ты жалость яростным медведям —
То были муки ада. Сикоракса
Уж не могла тебя освободить.
Но я, прибыв сюда, своим искусством
Сосну разверз и выпустил тебя.

Ариэль

Тебе я благодарен, господин.

Просперо

Но станешь мне перечить — расщеплю
Я узловатый дуб, и в нем ты будешь
Еще двенадцать лет вопить от боли.

Ариэль

О, пощади! Тебе я повинуюсь!

Просперо

Ну то-то же. Еще два дня послужишь,
И я тебя на волю отпущу.

Ариэль

О мой великодушный повелитель!
Приказывай! Что делать мне? Скажи!

Просперо

Ступай и обернись морскою нимфой.
До времени будь видим только мне
И больше никому. В обличье этом
Вернись сюда. Ступай же. Торопись.

Ариэль исчезает.

Проснись, дитя! Твой сон был благодатен.
Проснись!

Миранда

(просыпается)
Отец, чудесный ваш рассказ
Меня сковал какой-то странной дремой.

Просперо

Стряхни ее с себя. Вставай, Миранда.
Теперь позвать нам нужно Калибана,
Хоть от него мы, верно, не услышим
Ни слова доброго.

Миранда

Он груб и страшен.
Я не люблю встречаться с ним, отец.

Просперо

Но без него мы обойтись не можем:
Он носит нам дрова, огонь разводит
И делает всю черную работу.
Эй, Калибан! Ты, грубая скотина!
Откликнись, раб!

Калибан

(за сценой)
Еще там хватит дров.

Просперо

Раз я зову — тебе найдется дело.
Ну, черепаха, шевелись быстрее!
Кому я говорю?

Появляется Ариэль в облике морской нимфы.

Мой Ариэль! Чудесное виденье!
Послушай же...
(Шепчет Ариэлю на ухо.)

Ариэль

Исполню, господин.

(Исчезает.)

Просперо

Эй, грязный раб! Ублюдок злобной ведьмы
И дьявола! Живей иди сюда! —

Входит Калибан.

Калибан

Пускай на ваши головы падет
Зловредная роса, что мать сбирала
Пером совиным с гибельных болот!⁴
Пусть ветер юго-западный покроет
Вам тело волдырями!

Просперо

За эту брань ты дорого заплатишь!
Всю ночь — попомни это — будут духи
Тебя колоть и судорогой корчить.
От их щипков ты станешь ноздреватым,
Как сот пчелиный, и щипки их будут
Еще более, чем укусы пчел.

Калибан

Ты даже и поесть мне не даешь!..
Я этот остров получил по праву
От матери, а ты меня ограбил.
Сперва со мной ты ласков был и добр,
Ты вкусным угощал меня напитком,
Ты научил меня, как называть
И яркое и бледное светила,
Которые нам светят днем и ночью,
И я тебя за это полюбил,
Весь остров показал и все угоды:
И пастбища, и соляные ямы,
И родники... Дурак я! Будь я проклят!..
Пусть нападут на вас нетопыри,
Жуки и жабы — слуги Сикораксы!..
Сам над собою был я господином,
Теперь я — раб. Меня в нору загнали,
А остров отняли!

Просперо

Ты лживый раб!
С тобой добром не сладишь, только плетью.
Сначала я с тобою обращался,
Хоть ты животное, как с человеком.
Ты жил в моей пещере. Но потом
Ты дочь мою замыслил обесчестить!

Калибан

Хо-хо! Хо-хо! А жаль, не удалось!
Не помешай ты мне — я населил бы
Весь остров Калибанами.

Просперо

Презренный!
Нет, добрых чувств в тебе не воспитать,
Ты гнусный раб, в пороках закосневший!
Из жалости я на себя взял труд
Тебя учить. Невежественный, дикий,
Ты выразить не мог своих желаний
И лишь мычал, как зверь. Я научил
Тебя словам, дал знание вещей.
Но не могло ученье переделать
Твоей животной, низменной природы.
И за нору меня благодари.
Ты стоишь кары злейшей, чем темница.

Калибан

Меня вы научили говорить
На вашем языке. Теперь я знаю,
Как проклинать, — спасибо и за это.
Пусть унесет чума обоих вас
И ваш язык.

Просперо

Отродье ведьмы, сгинь!
Дров принеси. Да поживее, слышишь?
Еще работа будет. Что? Кривишься?
Смотри, за нерадивость и за лень
Нашлю я корчи на тебя и кости
Заставлю ныть. Так заревешь от боли,

Что звери испугаются.

Калибан

Нет! Сжался!
(В сторону.)
Пока смирюсь. Сильна его наука.
Ему подвластен даже Сетевос,⁵
Бог матери моей.

Просперо

Ступай же, раб!

Калибан уходит.

Появляется невидимый **Ариэль**, он поет в сопровождении музыки; за ним следует **Фердинанд**.

Ариэль

(поет)
Духи гор, лесов и вод,
Все в хоровод! Утихло море.
В легкой пляске, с плеском рук
Сомкните круг,
Мне дружно вторя!
Внимайте!

Духи

(со всех сторон)
Гау! Гау!

Ариэль

Псы сторожевые, лайте!

Духи

Гау! Гау!

Ариэль

Внимайте!
Море смолкло, даль тиха,
Слышно пенье петуха!
Кукареку!

Фердинанд

Откуда эта музыка? С небес
Или с земли? Теперь она умолкла.
То, верно, гимны здешним божествам.
Я, смерть отца оплакивая горько,
Сидел на берегу. Вдруг по волнам
Ко мне подкрались сладостные звуки,
Умерив ярость волн и скорбь мою.

Я следую за музыкой; вернее,
Она меня влечет... Она умолкла.
Нет, вот опять.

Ариэль

(поет)
Отец твой спит на дне морском,
Он тиною затянут,
И станет плоть его песком,
Кораллом кости станут.
Он не исчезнет, будет он
Лишь в дивной форме воплощен.
Чу! Слышен похоронный звон!

Духи

Дин-дон, дин-дон!

Ариэль

Морские нимфы, дин-дин-дон,
Хранят его последний сон.

Фердинанд

Поется в песне о моем отце!
Не могут быть земными эти звуки,

Они сюда нисходят с высоты.

Просперо

(Миранде)

Приподними же занавес ресниц,
Взгляни туда.

Миранда

Что это? Дух? О боже,
Как он прекрасен! Правда ведь, отец,
Прекрасен он? Но это лишь виденье!

Просперо

О нет, дитя, он нам во всем подобен:
И спит, и ест, и чувствует, как мы.
Он спасся вплавь при кораблекрушении;
Здесь ищет он товарищей пропавших.
Когда бы только скорбь, враг красоты,
Не искажала черт его лица,
Ты назвала бы юношу красивым.

Миранда

Божественным его б я назвала!
Нет на земле существ таких прекрасных!

Пресперо

(в сторону)

Случилось все, как я предначертал.

Мой Ариэль искусный! Я за это

Через два дня тебя освобожу.

Фердинанд

Так вот она, богиня, в честь которой

Звучал тот гимн!... Ответом удостой:

Ты здесь, на этом острове, живешь?

Что делать мне велишь? Вопрос последний,

Но главный для меня: скажи мне, чудо,

Ты фея или смертная?

Миранда

Синьор!

Я девушка простая. Я не чудо.

Фердинанд

Как? Мой родной язык! Но если б я

Был там, где говорят на нем, — я был бы

Из всех, кто говорит на нем, первейшим!

Просперо

Первейшим? Ну, а если б услышал
Тебя король Неаполя?

Фердинанд

Он слышит,
Дивясь, что вдруг ты вспомнил про Неаполь:
Увы, король Неаполя — я сам.
Мои глаза с тех пор не просыхали,
Как видели, что мой отец, король,
Погиб в морских волнах.

Миранда

Увы! Несчастный!

Фердинанд

Погибли с ним и все его вельможи,
Погиб миланский герцог вместе с сыном...[6](#)

Просперо

(в сторону)

Миланский герцог с дочерью своей
Тебя легко могли бы опровергнуть...
Еще не время... С первого же взгляда
Огонь любви зажегся в их глазах...
Мой нежный Ариэль, тебе свободу
За это дам.
(Вслух.)
Послушайте, синьор!
Зачем позорите себя неправдой?.

Миранда

Ах, почему отец мой так суров?
Передо мною третий человек,
Которого я знаю. Но он первый,
Кто вызвал в сердце странное томленье.
Как я хочу, чтобы отец смягчился!

Фердинанд

О, если никому своей любви
Еще не отдала ты, королевой
Неаполя я сделаю тебя.

Просперо

Держитесь поскромней, синьор!
(В сторону.)
Они
Друг другом очарованы. Но должно

Препятствия создать для их любви,
Чтоб легкостью ее не обесценить.
(Вслух.)
Я разгадал тебя: ты самозванец.
Тайком пробрался ты на этот остров,
Чтоб у меня отнять мои владенья.

Фердинанд

О нет, клянусь!

Миранда

В таком прекрасном храме
Злой дух не может обитать. Иначе
Где ж обитало бы добро?

Просперо

(Фердинанду)
Идем!
(Миранде.)
А ты не заступайся — он обманщик.
(Фердинанду.)
Идем! Тебя я в цепи закую,
Ты будешь пить одну морскую воду,
Ты будешь есть ракушки, да коренья,
Да скорлупу от желудей. Ступай!

Фердинанд

Нет, я не подчинюсь, пока мой враг
Меня не одолеет в поединке.
(Выхватывает меч, но чары Просперо не позволяют ему
пошевелиться.)

Миранда

Отец, к чему такое испытание?
Вы видите: он добр, учтив и смел.

Просперо

Что? Яйца учат курицу?
(Фердинанду.)
Предатель!
Вложи свой меч в ножны! Ты мне грозишь,
Но, отягченный совестью нечистой,
Ударить не посмеешь. Брось свой меч,
Не то его я выбью этой палкой.

Миранда

Отец, я умоляю!

Просперо

Прочь! Отстань!

Миранда

Ах, сжальтесь! Я ручаюсь за него!

Просперо

Не возражай — во мне пробудишь ярость,
Не только гнев! Как! Под свою защиту
Ты смеешь брать обманщика!.. Молчать!
Ты видела его да Калибана
И думаешь, что он красивей всех?
Ах, глупая! С мужчинами другими
Его сравнить — он суций Калибан,
А те пред ним — как ангелы господни.

Миранда

Непритязательна моя любовь:
Он для меня достаточно красив.

Просперо

(Фердинанду)
Ступай за мною! Слышишь? Повинуйся!
Ведь ты теперь бессилен, как дитя!

Фердинанд

Да, это так. Я скован, как во сне.
Но все — и это странное бессилье,
И смерть отца, и гибель всех друзей,
И плен, которым враг мне угрожает, —
Легко я снес бы, если б только знал,
Что из моей тюрьмы хотя бы мельком
Увидеть эту девушку смогу.
Пусть на земле везде царит свобода,
А мне привольно и в такой тюрьме!

Просперо

(в сторону)
Любовь овладевает им.
(Фердинанду.)
Идем!
(Ариэлю.)
Ты сделал все как должно, Ариэль!
(Фердинанду и Миранде.)
За мною оба следуйте!
(Ариэлю.)
Послушай,
Что надлежит еще тебе исполнить...
(Шепчет Ариэлю на ухо.)

Миранда

(Фердинанду)
Не бойтесь: мой отец добрей и лучше,
Чем можно по речам его судить.

Не понимаю, что случилось с ним.

Просперо

(Ариэлю)

Свободен будешь ты, как горный ветер,
Когда все сделаешь, что я сказал.

Ариэль

Исполню все. Ты будешь мной доволен.

Просперо

(Фердинанду и Миранде)

Ступайте!

(Миранде.)

За него не смей просить!

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Другая часть острова.

Входят Алонзо, Себастьян. Антонио, Гонзало, Адриан, Франсиско и другие.

Гонзало

Я вас молю — утешьтесь, государь!
Спасенью радоваться надо больше,
Чем горевать о тягостных утратах.
Несчастья такие повседневны:
Они знакомы женам моряков,
Судовладельцам и негоциантам;
Но мало кто — один на сотню тысяч —
Поведать мог бы о спасенье чудном.
И если на весы благоразумья
Печаль и утешенье положить —
Вторая чаша, верно, перетянет.

Алонзо

Прошу тебя, оставь меня в покое.

Себастьян

Эти утешения ему так же по нутру, как остывшая похлебка.

Антонио

От утешителя отделаться не так-то просто.

Себастьян

Смотрите, он заводит часы своего остроумия; сейчас они начнут бить.

Гонзало

Но, государь...

Себастьян

Раз!.. Считай.

Гонзало

Когда мы горю делаем уступки,
Ему послушно отдавая...

Себастьян

Пенни.

Гонзало

Вот именно пени — мы пеняем и жалуемся; вы сказали умнее, чем вам кажется.

Себастьян

А вы поняли меня мудрее, чем я сам.

Гонзало

Итак, мой государь...

Антонио

Тьфу, пропасть! Язык его мелет без устали.

Алонзо

Молчи, пожалуйста!

Гонзало

Молчу. Однако...

Себастьян

Однако он будет болтать.

Антонио

Предлагаю побиться об заклад — кто, он или Адриан, первый начнет кукарекать.

Себастьян

Старый петух.

Антонио

Молодой кочет.

Себастьян

А какой заклад?

Антонио

Смех.

Себастьян

Идет.

Адриан

Хотя этот остров, по-видимому, необитаем...

Себастьян

Ха-ха-ха!

Антонио

Ну вот ты со мной и в расчете.

Адриан

...и почти недосыгаем с моря...

Себастьян

Однако.

Адриан

...однако...

Антонио

Без этого словца он не может обойтись.

Адриан

...это местечко в известной мере не лишено приятности.

Антонио

В известной Мэри? А, как же! Эта Мэри — известная потаскушка.

Себастьян

И, как он справедливо заметил, не лишенная приятности.

Адриан

Здесь ветерок так нежно вздыхает...

Себастьян

Словно у него есть легкие, да к тому же изъеденные чахоткой.

Антонио

Или будто он надушен ароматами гнилого болота.

Гонзало

Как все располагает к тому, чтобы здесь жить!

Антонио

Совершенно верно. Только чем жить-то?

Себастьян

Да, жить, пожалуй, нечем.

Гонзало

Какая здесь пышная и сочная трава! Какая свежая зелень!

Антонио

Эта голая земля и впрямь бурого цвета.

Себастьян

С пятнами плесени.

Антонио

Он не так уж отклонился от истины.

Себастьян

Ничуть не отклонился — он просто вывернул ее наизнанку.

Гонзало

Но вот что приятно на редкость...

Себастьян

Неслыханное количество приятных редкостей.

Гонзало

Наша одежда, вымокшая в море, не утратила тем не менее ни свежести, ни красок; она не только не полиняла от морской воды, но даже стала еще ярче.

Антонио

Если бы хоть один из его карманов мог заговорить, то обвинил бы его во лжи.

Себастьян

Еще бы. Если только это не фальшивый карман.

Гонзало

По-моему, наше платье выглядит новехоньким, как в Африке, когда мы надели его впервые на празднество по случаю бракосочетания прекрасной дочери короля, Кларибель, с царем Туниса.

Себастьян

Это было прелестное бракосочетание, и нам необыкновенно повезло на обратном пути.

Адриан

Еще никогда царицей Туниса не было подобное совершенство.

Гонзало

Никогда со времен матроны Дидоны.[7](#)

Антонио

Матроны Дидоны? Язва ему в глотку, при чем тут эта Дидона? Матрона Дидона!

Себастьян

Не стоит так горячиться. Хорошо, он еще не добавил, что при ней был Эней.

Адриан

Вы сказали — матрона Дидона? Постойте-ка, ведь она была царицей Карфагена, а не Туниса.

Гонзало

Синьор, нынешний Тунис это и есть Карфаген.

Адриан

Карфаген?

Гонзало

Да, Карфаген, смею вас уверить.

Антонио

Он своей болтовней способен творить чудеса.

Себастьян

Поднимать из праха дома и крепостные стены.

Антонио

Какое еще несбыточное дело окажется для него легче легкого?

Себастьян

Наверно, он положит этот остров себе в карман и отвезет сыну в подарок вместо яблока.

Антонио

А зернышки посеет в море, и из них вырастет целая куча островов.

Гонзало

Что?

Антонио

Ничего. На здоровье.

Гонзало

Государь, мы говорили о том, что наше платье выглядит таким же новым, как во время бракосочетания вашей дочери, царицы Туниса.

Антонио

И самой редкостной царицы, которая была там когда-либо.

Себастьян

Не забудь присовокупить — со времен матроны Дидоны!

Антонио

Да, матроны Дидоны. О матрона Дидона!

Гонзало

Не правда ли, ваше величество, мой камзол выглядит как с иголки?

Антонио

Вернее, с рыболовного крючка.

Гонзало

Как в день бракосочетания вашей дочери?

Алонзо

Вы уши мне наполнили словами,
Противными рассудку моему.
Увы, зачем я этот брак затеял?

При возвращенье потерял я сына;
А дочь так от Неаполя далеко,
Что свидеться мне с ней не суждено.
Мой Фердинанд, мой царственный наследник!
Добычею каких морских чудовищ
Ты стал?

Франсиско

Быть может, государь, он жив.
Я видел, как боролся он с волнами,
Как грудью он встречал напор валов
И побеждал их бешеную ярость.
Он, голову отважную вздымая
Над пенистыми гребнями, их с силой
И с ловкостью руками рассекал
И приближался к берегу. А скалы,
Подточенные морем, перед принцем,
Как будто бы стремясь ему помочь,
Склонялись ниже. Я не сомневаюсь,
Что спасся он.

Алонзо

Нет, нет, мой сын погиб!

Себастьян

Что ж, государь, себя благодарите
За горькую потерю. Вы Европе

Не захотели дочь свою оставить,
Вы африканцу отдали ее.
И скрылась дочь навек из ваших глаз,
Которым остается только плакать.

Алонзо

Прошу тебя, молчи!

Себастьян

Мы на коленях
Вас умоляли изменить решение.
Бедняжка, чистая душа, страдала:
Покорность в ней боролась с отвращеньем.
Что ж вышло из того? Погиб ваш сын;
В Неаполе осталось и в Милане
Намного больше безутешных вдов,
Чем жен, которым мы вернем супругов.
И в этом виноваты только вы.

Алонзо

Я и утратил больше, чем другие.

Гонзало

Синьор, как ни похвальна прямота,
Сейчас она груба и неуместна.
Накладывать на рану должно пластырь,
А вы лишь растравляете ее.

Себастьян

И очень хорошо!

Антонио

Как истый врач.

Гонзало

О государь, отчаиваться рано!
Вы пасмурны, и вот нам всем темно.

Себастьян

Как — всем темно?

Антонио

О да, весьма темно.

Гонзало

Когда бы эту землю дали мне...

Антонио

Засеял бы весь остров он крапивой.

Себастьян

Репейник тут везде бы насадил.

Гонзало

...И королем бы здесь я стал, то что бы
Устроил я?

Себастьян

Уж верно, не попойку —
По той причине, что вина тут нет.

Гонзало

Устроил бы я в этом государстве⁸
Иначе все, чем принято у нас.
Я отменил бы всякую торговлю.
Чиновников, судей я упразднил бы,
Науками никто б не занимался,
Я б уничтожил бедность и богатство,
Здесь не было бы ни рабов, ни слуг,
Ни виноградарей, ни землепашцев,
Ни прав наследственных, ни договоров,
Ни огораживания земель.⁹
Никто бы не трудился: ни мужчины,
Ни женщины. Не ведали бы люди
Металлов, хлеба, масла и вина,
Но были бы чисты. Никто над ними
Не властвовал бы...

Себастьян

Вот тебе и раз,
Ведь начал он с того, что он властитель!

Антонио

В конце он позабыл уже начало.

Гонзало

Все нужное давала бы природа —
К чему трудиться? Не было бы здесь
Измен, убийств, ножей, мечей и копий
И вообще орудий никаких.
Сама природа щедро бы кормила
Бесхитростный, невинный мой народ.

Себастьян

А можно будет подданным жениться?

Антонио

Нет, это тоже труд.
Все будут праздны:
Толпа бездельников и свора шлюх.

Гонзало

И я своим правлением затмил бы
Век золотой.

Себастьян

О, мудрый государь!

Антонио

Да здравствует король Гонзало Первый!

Гонзало

Что скажете на это, государь?

Алонзо

Ах, перестань! Я все равно не слышу,
Вокруг меня как будто пустота.

Гонзало

Я вас понимаю, ваше величество. Зато по крайней мере я дал
возможность этим смешливым господам посмеяться попусту.

Антонно

Попусту? То есть над вами.

Гонзало

Вы так наполнены глупым шутовством, что по сравнению с вами я пуст. Можете продолжать смеяться попусту.

Антонио

Вот, что называется, отбрил.

Себастьян

Спасибо еще, что тупой бритвой.

Гонзало

Я знаю, господа, что на вас угодить трудно. Если бы луна не менялась недель пять кряду, вы бы и ее сбросили с неба.

Появляется невидимый Ариэль. Торжественная музыка.

Себастьян

Конечно. А потом бы поохотились с факелами на птиц.[10](#)

Антонио

Не гневайтесь, любезный синьор.

Гонзало

И не думаю. Я не так низко ценю свой гнев. Не посмеетесь ли еще, чтобы мне спалось покрепче? Что-то мне захотелось спать.

Антонио

Спите и прислушивайтесь к нам во сне.

Все, кроме Алонзо, Себастьяна и Антонио, засыпают.

Алонзо

Все спят уже? О, если б мои веки,
Сомкнувшись, отогнали злую скорбь!
Ко сну и правда клонит...

Себастьян

Государь,
Не отвергайте сна. Он посещает
Так редко тех, кто горем удручен.
Сон — лучший утешитель.

Антонио

Государь, Вы можете здесь отдохнуть спокойно, А мы вдвоем вас будем охранять.

Алонзо

Благодарю... Слипаются глаза...
(Засыпает.)

Ариэль исчезает.

Себастьян

На них напала странная сонливость.

Антонио

Должно быть, климат этому причиной.

Себастьян

Но почему он нас не усыпляет?
Меня ко сну не клонит.

Антонио

И меня.
Заснули все, как будто сговорились.
А если бы, достойный Себастьян...
Что, если бы случилось так... Молчу!..
Но все же на лице твоём читаю
Твою судьбу. Не случай ли даёт
Тебе совет? Мое воображение
Корону видит на твоём челе.

Себастьян

Ты спишь?

Антонио

А разве ты меня не слышал?

Себастьян

Нет, слышал. Но, конечно, это сон.
Ты говорил во сне. Что ты сказал?
Ты странно спишь — с открытыми глазами:
Ты ходишь, говорить и видишь сны —
Все сразу.

Антонио

Благородный Себастьян!
Ты сам не усыпи свою фортуна,
Не умертви ее. Проспать ты можешь,
Хоть бодрствуешь.

Себастьян

Ты явственно храпишь,
Но в храпе я улавливаю смысл.

Антонио

Я не шучу. И ты, внимая мне,
Брось шутки — и возвысишься ты втрое.

Себастьян

Ну, где мне, я — стоячая вода.

Антонио

Я научу тебя, как стать потоком.

Себастьян

Учи, но не забудь — я неудачник,
В наследство получил я только лень.

Антонио

О, если б знал ты, как мечту лелеешь,
Смеясь над ней. Чем дальше ее гонишь,
Тем ближе и настойчивей она.
Что тянет неудачников на дно?
Их собственная лень и трусость.

Себастьян

Дальше!
По блеску глаз твоих, румянцу щек
Я вижу, что чреват ты важной мыслью, —
Так пусть она родится.

Антонио

Хорошо.
Итак, хотя забывчивый синьор,
Которого и самого забудут
Назавтра после смерти, уверял
(Он просто страсть питает к увереньям),
Что королевский сын не утонул,

Но это так же верно, как и то,
Что сам сейчас плывет он, а не дрыхнет.

Себастьян

Надежды нет, что спасся Фердинанд.

Антонио

Надежды нет! — вот в этом и надежда!
Ведь безнадежность и дает тебе
Такую величайшую надежду,
Что даже честолюбие робеет
И на нее взирает боязливо.
Уверен ты, что Фердинанд погиб?

Себастьян

Уверен.

Антонио

Кто ж наследует корону?

Себастьян

Дочь короля.

Антонио

Тунисская царица?
Живущая за тридевять земель?
Которая, коль солнце не послужит
Ей вестником, узнает все тогда,
Когда младенец, нынче спящий в люльке,
Научится брить бороду? Принцесса.
Из-за которой смерть нас всех ждала?
О нет, не для того мы уцелели!
Все, что случилось с нами, лишь пролог
К тому, что мы с тобой должны свершить!

Себастьян

Бессмыслица!.. Да нет!.. Так ты считаешь?..
Гм... Кларибель, тунисская царица, —
Наследница Неаполя... Да странно...
От одного владенья до другого
И вправду расстояние велико.

Антонио

И каждый локоть водного пространства
Кричит: «Как сможет эта Кларибель
Измерить нас, чтоб вновь узреть Неаполь?»
Так пусть спокойно царствует в Тунисе.

И пусть скорей проснется Себастьян!
Взгляни на них: их сон подобен смерти;
Умри они — им не было бы хуже.
А для Неаполя король найдется
Получше этого, который спит.
Найдутся и вельможи, как Гонзало,
Чтоб мудрый вздор без умолку молоть, —
Я сам трещать сумею, как сорока.
О, если б мысль моя твоею стала,
То как их сон возвысил бы тебя!
Меня ты понимаешь?

Себастьян

Да, как будто.

Антонио

Ужель ты оттолкнешь свою фортуна?

Себастьян

Ведь помнится, и сам ты брата сверг,
Чтоб овладеть Миланом.

Антонио

Ну и что же?
Мне герцогская мантия к лицу,
А слуги Просперо, которым прежде
Я ровней был, все нынче служат мне.

Себастьян

Да, может быть, ты прав... Но совесть?..

Антонио

Совесть?
А что это? Мозоль? Так я хромал бы.
Нет, я такому богу не молюсь.
Когда бы между мною и Миланом
Не совесть — двадцать совестей легло,
Как ледники или озера лавы,
Я все равно бы их перешагнул.
Вот на земле лежит твой брат; но, спящий
Или мертвец, — он то же, что земля.
Достаточно трех дюймов этой стали —
И не проснется он; ты ж в это время
Проткнешь благоразумного святошу,
Чтоб он не вздумал нам читать мораль.
А остальные — те любую новость
Проглотят, словно кошки молоко,
И нашим песням станут подпевать.

Себастьян

Сподвижник мой! Возьму с тебя пример!
Что сделал ты в Милане, то свершу я
В Неаполе. Так обнажи свой меч!
Удар — и ты платить не будешь дани;
Мне, королю, ты будешь первый друг!

Антонио

Мы обнажим мечи одновременно.
В тот миг, когда свой меч я занесу
Над королем, — ты поражай Гонзало.

Себастьян

Постой, еще хочу сказать два слова.

Отходят в сторону и совещаются. Музыка. Появляется невидимый Ариэль.

Ариэль

Мой господин провидел, что грозит
Его доброжелателю опасность,
И мне он приказал спасти обоих:
Ведь с ними — замысел его умрет.
(Поет над ухом Гонзало.)
Ты крепко спишь, а в этот час
Измена не смыкает глаз
И обнажает меч.
Дремоту сбрось с тяжелых век,

Проснись, чтоб не уснуть навек
И короля сберечь!
Проснись! Проснись!

Антонио

Мы оба нападём на них внезапно.
Ну!..

Обнажают мечи.

Гонзало

(просыпаясь)
Ангелы, спасите короля!

Все просыпаются.

Алонзо

Что?.. Как!.. Зачем мечи обнажены?
Как дико смотрите вы...

Гонзало

Что случилось?

Себастьян

Мы здесь на страже возле вас стояли
И вдруг... услышали ужасный рев
Быка... нет, льва скорей. Он разбудил вас?
Мой слух был потрясен.

Алонзо

Нет, я не слышал.

Антонио

Ужасный рев! Он мог бы испугать
И великана... Сотряслась земля,
Как будто сотня львов взревела сразу.

Алонзо

А ты слышал, Гонзало?

Гонзало

Государь,
Сквозь сон я странное услышал пенье,

Которое меня и разбудило.
Я громко закричал — и вы проснулись.
Тут вижу их, с оружием в руках.
Да, шум здесь был. Остерегаться надо.
А лучше бы совсем уйти отсюда.
На всякий случай обнажим мечи.

Алонзо

Пойдемте прочь и поиски продолжим:
Быть может, сына я еще найду.

Гонзало

Он здесь, на острове, я в это верю.
Бог да хранит его от этих диких
И яростных зверей.

Алонзо

Пойдемте прочь.

Ариэль

(в сторону)
Оповестить мне надо господина,
Что жив король и что он ищет сына.

Все уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть острова.

*Входит **Калибан** с вязанкой дров. Раскаты грома.*

Калибан

Пускай пары гнилых болот и топей,
Которые высасывает солнце,
Падут на Просперо! Пусть он зачахнет!
Я не могу не проклинать его,
Хотя меня подслушать могут духи.
Они меня не тронут без приказа;
А скажет он — и тотчас же начнут
Меня толкать, щипать, сбивать с дороги,
Пугать и мучить всякой чертовщиной.
Чуть что, их напускают на меня.
Они то корчат рожи, как мартышки,[11](#)
Стараясь укунить исподтишка;
То, как ежи, колючими клубками
Мне на дороге норовят попасться,
Чтоб я босые ноги занозил;
То, как гадюки, жалят и шипят,
Сводя меня с ума...

*Входит **Тринкуло**.*

Калибан

Ну вот! Опять!
Опять наслал он духа... Будет мучить

За то, что долго дров я не несу.
А если распластаться на земле?
Он, может быть, меня и не заметит.

Тринкуло

Ни тебе деревца, ни тебе кусточка, чтобы укрыться даже от пустячного дождя, а тут надвигается новая буря. Ветер-то как завывает! Вон та черная туча, вон та тучища — ни дать ни взять огромный гнилой бурдюк, который, того и гляди, лопнет и выпустит из себя всю жижу. Если снова разразится такая же гроза, я уж не знаю, куда и голову приклонить! А если хлынет из этой тучи, то будет настоящий потоп... Это еще что? Человек или рыба? Мертвое или живое? Рыба! — воняет рыбой. Застарелый запах тухлой рыбы; что-то вроде соленой трески, и не первой свежести. Диковинная рыба! Будь я сейчас в Англии — а я там был однажды — да показывай я эту рыбу¹² пусть даже на картинке, любой зевака отвалил бы мне серебряную монету за просмотр. Там бы это чудище вывело меня в люди. Там всякое странное животное выводит кого-нибудь в люди. Те, кому жалко подать грош безному калеке, охотно выложат в десять раз больше, чтобы поглазеть на мертвого индейца... Да у нее человечьи ноги! А плавники точь-в-точь как руки! Ей-богу, оно теплое! Нет, я ошибся! Отрекаюсь от своих слов. Никакая это не рыба. Это здешний островитянин, которого убило грозой.

Снова гремит гром.

Ай-ай-ай! Опять начинается гроза. Ничего не поделаешь — придется залезть под его лохмотья: больше деваться некуда. Каких странных сопостельников дает человеку нужда! Устроюсь тут, пока буря не выплеснет всех своих помоев.

Входит Стефано, с бутылкой в руках.

Стефано

(поет)

Я больше в море не пойду,
На берегу помру!

Ну и дрянная же песня, только на похоронах ее и петь. Одна только
есть у меня отрада!

(Пьет.)

И юнга, и Боцман, и шкипер, и я —
Каждый гуляет с девчонкой,
Но гордую Китти — совет мой, друзья, —
Вы обходите стороной,
Коль вы не хотите
Услышать от Китти:
«Матросов — к чертям!»
От нашего брата воротит свой нос;
Мол, пахнет смолою и варом матрос.
Но слышал вчера я от девки одной —
Гуляет с гордячкой какой-то портной.
С портняжкой не споря,
Уходим мы в море,
А Китти — к чертям!

Тоже дрянная песня. Но вот моя отрада.

(Пьет.)

Калибан

Не мучай меня! О-о-о!

Стефано

В чем дело? Может, у нас тут водятся черти? Может, думают нас
разыграть, прикинувшись дикарями или индейцами? Как бы не так! Не для

того я вышел сухим из воды, чтобы вы меня напугали своими четырьмя ногами. Как говорится, — не родилась еще четвероногая овца, чтобы напугать такого молодца. И это будут повторять до тех пор, пока Стефано дышит воздухом.

Калибан

Дух мучает меня! О-о-о!

Стефано

Это какое-нибудь здешнее четвероногое чудище. Не иначе как его трясет лихорадка. Но что за дьявольщина — откуда оно умеет говорить по-нашему? Уже ради одного этого стоит ему помочь. Если бы мне удалось вылечить его, да приручить, да вернуться с ним вместе в Неаполь — ни один император не отказался бы от такого подарка.

Калибан

Пожалуйста, не мучай меня! Я сейчас отнесу дрова домой.

Стефано

У него, видно, сейчас приступ: плетет оно какую-то чепуху. Дам-ка ему глотнуть из моей бутылки. Если оно еще никогда не пробовало вина, припадок может пройти. Только бы мне вылечить его да сделать ручным, а там уж я на нем наживусь. Тот, кто захочет его получить, мне за него

заплатит. И заплатит как следует быть!

Калибан

Пока ты, еще не очень больно дерешься. Но я знаю, что сейчас будет больно, потому что ты дрожишь. Это Просперо тебя науськивает.

Стефано

Кис-кис-кис! Открой ротик. Здесь у меня есть что-то — оно развяжет тебе язык, киска¹³. Открой рот. Поверь моему слову, это снадобье стряхнет с тебя твою трясучку; ручаюсь — стряхнет. Ты не понимаешь, кто тебе друг, а кто враг. Ну же, открой пасть еще разок.

Тринкуло

Знакомый голос: это... Не может быть, он ведь утонул. Это, верно, нечистая сила! Ой! Господи помилуй!..

Стефано

Четыре ноги и два голоса — ну и ловко же устроено это чудище! Передним голосом оно может расхваливать своих друзей, а задним — клепать на них и поносить их последними словами. Я вылечу его от лихорадки, если даже для этого потребуется опорожнить всю бутылку. Ну, лакай!.. Аминь!.. Теперь немножко в твою другую глотку.

Тринкуло

Стефано!..

Стефано

Другая глотка зовет меня по имени? Вот так штука! Это не чудище, а сам сатана! Нет, надо уходить, у меня нет длинной ложки.[14](#)

Тринкуло

Стефано, — если только ты Стефано, — дотронься до меня, поговори со мной. Это я, Тринкуло. Не бойся, это я, твой закадычный друг Тринкуло.

Стефано

Если ты Тринкуло, то вылезай. Я буду тебя тащить за те ноги, что поменьше. Если тут есть ноги Тринкуло, то это они. И правда, ты настоящий Тринкуло. Как тебя угораздило выползти из этого уroda? Или он испражняется Тринкулами?

Тринкуло

Я решил, что его убило громом, и... Но разве ты, Стефано, не утонул?

Кажись, ты и вправду не утонул. Гроза уже прошла? Я спрятался от грозы под тряпьем этого уroda. Так ты жив, Стефано? Ура, Стефано, вот уже два неаполитанца спаслись!

Стефано

Послушай, не верти меня так: меня стошнит.

Калибан

Они не духи. Этот — добрый бог.
В его руках божественный напиток.
Я на колени стану перед ним.

Стефано

А ты-то как спасся? Как ты сюда попал? Поклянись на этой бутылке, что расскажешь мне правду. Я спасся на бочке хереса, которую матросы выкинули за борт, — клянусь этой бутылкой! Я собственноручно сделал ее из древесной коры, как только очутился на суше.

Калибан

Я буду служить тебе верой и правдой — клянусь этой бутылкой, потому что в ней божественный напиток.

Стефано

(не слушая Калибана, к Тринкуло)

Поклянись, что расскажешь чистую правду. Как ты спасся?

Тринкуло

Я просто пустился вплавь к берегу, как утка. Я, друг ты мой, плаваю как утка, ей-богу!

Стефано

На, приложись к моему евангелию. Хоть ты и плаваешь как утка, но вообще-то ты хорош гусь.

Тринкуло

Ах, Стефано! А у тебя больше нету?

Стефано

Говорят тебе — целая бочка. Мой винный погреб на берегу, под скалой. Там спрятано мое винцо. Ну как, образина? Как твоя лихорадка?

Калибан

Скажи, на остров с неба ты сошел?

Стефано

А как же! С луны свалился. Разве ты не знаешь — я ведь жил да поживал на луне.

Калибан

Мне говорила о тебе хозяйка,
Она показывала мне тебя,
Твой куст, твою собаку.[15](#) Ты — мой бог!

Стефано

Да? Тогда приложись к моему евангелию. Я скоро наполню его новым содержанием. Поклянись, что не врешь.

Тринкуло

Да это, ей-богу, ерундовое чудище! А я-то его боялся! Жалкое чудище!.. Человек с луны! Ха-ха-ха! Ну и простофиля же это несчастное чудище. А ты неплохо лакаешь, чудище, право слово!

Калибан

Пойдем, я покажу тебе весь остров.
Я буду ноги целовать тебе.
Прошу, будь моим богом!

Тринкуло

Клянусь, это чудище — хитрец и пьянчуга. Как только его бог заснет, чудище выкрадет у него бутылку.

Калибан

Тебе я буду ноги целовать.
Хочу тебе я в верности поклясться.

Стефано

Ладно. Становись на колени и клянись.

Тринкуло

Нет, я просто лопну со смеху, глядя на это безмозглое чудище!
Мерзкое чудище! Так бы и стукнул его...

Стефано

На, целуй.

Тринкуло

...не будь несчастное чудище таким пьяным. Поганое чудище.

Калибан

Я покажу тебе все родники,
Рыб наловлю, насобираю ягод,
Дров принесу. Будь проклят мой мучитель,
Который в рабство обратил меня!
Служить ему не буду; за тобою
Пойду я следом, человекобог!

Тринкуло

Ой, умора! Ай да чудище! Из ничтожного пьянчужки бога себе сотворило!

Калибан

Позволь, тебе нарву я диких яблок...

Нарою сладких земляных орехов...
Я гнезда соек покажу тебе...
Я научу тебя ловить силками
Мартышек юрких... Я тебе достану
Птенцов с отвесных скал... Пойдем за мной!

Стефано

Ладно, хватит болтовни, показывай дорогу. — Послушай, Тринкуло, раз король и все остальные вкуче с ним потонули, нам придется принять тут бразды правления. — Эй ты, неси мою бутылку! — Мы сейчас наполним ее снова, дружище **Тринкуло**.

Калибан

(охмелев, поет)
Прощай, хозяин мой, прощай!

Тринкуло

Вот горластое чудище! Вот пьяное чудище!

Калибан

Не стану я ему в угоду
Весь день таскать дрова и воду,
И рыбу загонять в запруду,
И стол скоблить, и мыть посуду.

Прочь рабство, прочь обман!
Бан-бан! Ка... Калибан,
Ты больше не один:
Вот новый господин!
Твой добрый господин!

Свобода, эгей! Эгей, свобода! Свобода, эгей! Свобода!

<i>Стефано</i>

Ай да молодчина! Ну, чудище, показывай дорогу!

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА 1

*Перед пещерой Просперо.
Входит **Фердинанд** с бревном на плече.*

Фердинанд

Порой забава причиняет боль,
Порою тяжкий труд дает отраду.
Подчас и унижение возвышает,
А скромный путь приводит к славной цели.
Мне был бы ненавистен этот труд,
Когда бы не она. Она способна
Смерть сделать жизнью, муку — наслаждением.
Она добра настолько же, насколько
Жесток ее безжалостный отец.
Он тысячи таких огромных бревен
Велел перенести и здесь сложить.
Она, бедняжка, смотрит со слезами,
Как я тружусь, и скорбно повторяет,
Что не бывало у работы грубой
Доныне исполнителей таких...
Я замечтался. Но от этих мыслей
Тяжелая работа мне легка.

*Входят **Миранда** и в отдалении — **Просперо**, не замечаемый ими.*

Миранда

Я вас прошу, не тратьте столько сил!
Ах, если б молния сожгла все бревна,
Которые должны вы здесь сложить!
На землю сбросьте ношу, отдохните!
О, сам этот чурбан, горя в огне,
Прольет над вами смоляные слезы.
Вы отдохните. Мой отец сейчас
В науку погружен. Сюда вернется
Не раньше он, чем через три часа.

Фердинанд

Увы, прекраснейшая госпожа,
Урок я должен кончить до заката.

Миранда

Вы посидите, а пока за вас
Я потружусь. Давайте мне бревно.

Фердинанд

О нет, великодушное создание!
Пусть у меня сломается хребет,
Пусть разорвутся жилы от натуги,
Но я не стану праздно наблюдать,
Как черная работа вас бесчестит.

Миранда

Мне так же, как и вам, приличен труд.
Но мне он легче: я по доброй воле
Трудиться буду, вы ж — по принуждению.

Пресперио

(в сторону)
Попалась ты, бедняжка! Ах, как тянет
Тебя к нему!

Миранда

Вы так утомлены.

Фердинанд

Нет, госпожа. Когда я вас встречаю,
Мне даже ночь светла, как ясный день.
Молю вас, назовите ваше имя,
Чтоб мог я вас в молитвах поминать.

Миранда

Меня зовут Миранда.

(В сторону.)

Ах, отец!

Я ваш запрет нарушила!

Фердинанд

Миранда!

Миранда — значит чудная. И вправду

Вы чудная, чудесней всех на свете!

Случалось с восхищеньем мне смотреть

На многих женщин, часто я бывал

Журчанием их речи околдован,

Иные мне по сердцу приходились, —

И все же ни одной я не встречал,

В которой бы не видел недостатков,

Пятнающих достоинства ее.

Но в вас изъянов нет, вы — совершенство,

Созданье выше всех земных существ.

Миранда

Здесь женщин нет, и женское лицо

Я видела лишь в зеркале. И знаю

Я только двух мужчин, кого могу

Назвать людьми: отца и вас, друг милый.

Все остальные неизвестны мне;

Но поклянусь ценнейшим из сокровищ

В моем приданом — чистотой своей, —

Мне больше в мире никого не надо,

Вас избрала я в спутники себе.

Само воображение не может

Создать лицо прекраснее, чем ваше.

Но я заговорила, забыв

Внушения отца.

Фердинанд

Я принц, Миранда,
А может быть (не дай господь!), король.
И дровоносом был бы я не дольше,
Чем муху на лице своем терпел,
Когда бы не... Послушайте, Миранда!..
В тот миг, как я увидел вас впервые,
Моя душа взметнулась вам навстречу,
Отдав меня вам в рабство навсегда.
Лишь ради вас ношу я терпеливо
Тяжелые колоды.

Миранда

Так меня Вы любите?

Фердинанд

И небеса и землю
Зову в свидетели своей любви!
Коль правду говорю я — пусть они
Мое признание счастьем увенчают;
А если лгу — пусть в беды обратят
Все радости, что мне судьба сулила!
Бескрайне, безгранично, беспредельно
Тебя люблю, боготворю и чту!

Миранда

Как я глупа: я слезы лью от счастья!

Просперо

(в сторону)

Прекрасна встреча любящих сердец!

Пусть небеса дадут благословенье Союзу их!

Фердинанд

О чем же плачешь ты?

Миранда

О том, что не могу, что не умею
Расстаться с тем, что я хочу отдать,
Взять то, что мне нужнее самой жизни.
Но нет!.. Чем больше я скрываю чувства,
Тем вырываются они сильнее.
Прочь, лицемерье робкое! На помощь
Приди ко мне, святое простодушие! —
Твоей женой я стану, если ты
Меня захочешь взять. А не захочешь —
Умру твоей рабой. Ты как подругу
Меня отвергнуть можешь, но не в силах
Мне помешать служить тебе всегда!

Фердинанд

Нет, будешь ты владычицей моей,
А я — твоим рабом.

Миранда

Так ты — мой муж?

Фердинанд

О да! Ликует сердце, словно пленник,
Отпущенный на волю. Дай мне руку!

Миранда

Возьми ее! И вместе с нею — сердце!
Теперь прости. Прости — на полчаса.

Фердинанд

Прощай! Сто тысяч добрых пожеланий!

Фердинанд и Миранда уходят в разные стороны.

Просперо

Я не могу таким же быть счастливым,
Как те, кому все эти чувства внове;
И все-таки я бесконечно счастлив.
Но мне уже пора вернуться к книгам:
Немало предстоит еще свершить.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Другая часть острова.

*Входят **Стефано** и **Тринкуло**; за ними — **Калибан** с бутылкой в руках.*

Стефано

И слушать не желаю! Вот когда бочка опустеет, тогда и начнем хлебать воду. До тех пор — ни капли. А потому держись по ветру и лавируй. Эй ты, слуга-чудище, лакай за мое здоровье.

Тринкуло

Слуга-чудище?.. Ну и дурацкий остров! Говорят, на нем живет всего пять человек. Трое из них — мы. Если у остальных в башке творится то же, что у нас, то здешнее государство шатается.

Стефано

Пей, слуга-чудище! Пей, раз я тебе приказываю. Смотри-ка, да у тебя уже глаза на лоб полезли.

Тринкуло

А куда же им лезть? Вот было бы занятное чудище, если бы у него глаза полезли под хвост.

Стефано

Мой вассал-чудище утопил свой язык в хересе. А вот меня и море не могло утопить. Я плавал, плавал — сто двадцать миль проплыл, пока добрался до берега. Ей-богу, чудище, я назначу тебя моим главнокомандующим... нет, лучше моим знаменосцем.

Тринкуло

Главнокомандующим — еще куда ни шло. А знамя ему не удержать.

Стефано

Видишь ли, мусью чудище, мы не собираемся ходить в атаку.

Тринкуло

Никуда вы не будете ходить. Уляжетесь тут, как псы, без дальних слов.

Стефано

Урод! Пророни хоть раз в жизни словечко, если ты приличный урод!

Калибан

Здоров ли ты, мой светлый повелитель?
Позволь мне полизать тебе сапог,
А трусу этому служить не стану.

Тринкуло

Ты врешь, невежественное чудище! Я сейчас такой храбрый, что могу даже стражника толкнуть. Отвечай, распутная ты рыба, разве может быть трусом человек, который выпил столько хереса, сколько выпил я за сегодняшний день? Ты, наверно, потому так чудовищно врешь, что сам ты полурыба, получудовище.

Калибан

Смотри, как он глумится надо мной!
Не дай меня в обиду, государь!

Тринкуло

Хи-хи-хи! Он изрек «государь»! Это чудище совсем дурачок!

Калибан

Опять! Ты слышал — он опять смеется.
Молю — его ты насмерть загрызи!

Стефано

Тринкуло, не распускай язык! Если подтвердится, что ты мятежник, то я прикажу на первом же дереве... Бедное чудище — мой подданный, и я не позволю его обижать.

Калибан

Спасибо, мой благородный государь. Не удостоишь ли услышать еще раз мою просьбу?

Стефано

Чего там еще? Ну, повторяй свою просьбу. Только на коленях. А я буду стоять. И Тринкуло тоже будет стоять.

Появляется невидимый Ариэль.

Калибан

Я уже говорил тебе, что я в рабстве у тирана. У волшебника, который обманом и хитростью отнял у меня остров.

Ариэль

Ты лжешь.

Калибан

(думая, что это сказал Тринкуло)
Нет, лжешь ты сам, крикливая мартышка!
Пускай мой справедливый господин
Тебя убьет! Я правду говорю!

Стефано

Тринкуло, если ты посмеешь еще раз прервать его, то, клянусь своим кулаком, я вышибу из тебя дух.

Тринкуло

Да я ничего не говорил!

Стефано

Цыц! Молчать!
(Калибану.)
Продолжай.

Калибан

Он колдовством мой остров захватил.
Когда твое величество захочет,
То отомстит ему. Ты можешь, знаю;
А эта тварь не может.

Стефано

Да уж где ему!

Калибан

Ты станешь тут, на острове, владыкой,
А я — твоим рабом.

Стефано

А как же это обстряпать? Можешь ты объяснить толком?

Калибан

Да, господин, его тебе я выдам,
И гвоздь ему ты в голову забьешь.

Ариэль

Ты лжешь. Ты сделать этого не можешь.

Калибан

Дурак лоскутный! Пестрый негодяй! —
Твое величество, побей его
И отбери бутылку. Пусть лакает
Одну соленую морскую воду.
Я родников ему не покажу.

Стефано

Эй, Тринкуло, берегись! Если ты еще хоть одним словечком заденешь
чудище, то, клянусь своим кулаком, я забуду про свое милосердие и
отколочу тебя, как колотят вяленую рыбу.

Тринкуло

Да что я такое сделал? Ничего я не сделал. Уйду от вас подальше...

Стефано

Как — ничего? А разве ты не сказал, что он врет?

Ариэль

Ты лжешь.

Стефано

Что? Я тоже? Вот тебе.

(Бьет Тринкуло.)

Ну-ка, скажи еще раз, что я вру.

Тринкуло

И не думал я говорить, что вы врете... Совсем рехнулись, у вас уже в ушах звенит!.. Пропади она пропадом, ваша бутылка! Вот до чего доводит пьянство... Чтоб чума скрутила твое паршивое чудище! Чтоб черт сожрал твои кулаки!

Калибан

Ха-ха-ха!

Стефано

Ну, рассказывай.
(К Тринкуло.)
А ты лучше отойди от греха.

Калибан

Ударь его еще. Я скоро буду
Сам колотить его.

Стефано

(к Тринкуло)
Отойди.
(Калибану.)
Ну, продолжай.

Калибан

Я говорил тебе: после обеда
Он спит всегда. Убей его во сне.
Но только книги захвати сначала.
Ему ты череп разmozжи поленом,
Иль горло перережь своим ножом,
Иль в брюхо кол всади. Но помни — книги!
Их захвати! Без книг он глуп, как я,
И духи слушаться его не будут:
Ведь им он ненавистен, как и мне.

Сожги все книги. В доме у него
Есть утварь (так он это называет),
Ее возьмешь ты, домом завладев.
Но более, чем всем другим, гордится
Он красотою дочери своей:
Ее он сам считает несравненной.
Двух женщин только в жизни я и видел:
Ее да Сикораксу, мою мать.
Но знаю, что она и Сикоракса —
Как свет и тьма.

Стефано

Девчонка и вправду недурна?

Калибан

Да, государь! И клятву я даю —
Она твоей наложницею станет
И славных наплодит тебе детей.

Стефано

Чудище, я прихлопну этого колдуна. Мы с его дочкой станем королем и королевой. Да здравствуют наши королевские величества! А вы с Тринкуло будете вице-королями. — Как тебе нравится наш заговор, Тринкуло?

Тринкуло

Здорово.

Стефано

Дай мне руку. Прости, что я тебя поколотил. Но если хочешь остаться живым, держи язык на привязи.

Калибан

Он должен через полчаса уснуть.
Убьешь его тогда?

Стефано

Ага. Клянусь честью.

Ариэль

(в сторону)
Я расскажу об этом господину.

Калибан

Как ты меня обрадовал! Я счастлив!
Давайте веселиться! Соизволь
Еще раз, государь, нам спеть ту песню,
Которой ты меня учил.

Стефано

Готов уважить твою просьбу, чудище.
Любую просьбу. — Давай, Тринкуло, споем.
(Поет.)
Чихать на все, плевать на все!
Плевать на все, чихать на все!
Свободны мысли ваши!

Калибан

Мне кажется, что ты не так поешь.

Ариэль наигрывает мотив на дудке и барабане.

Стефано

Это еще что?

Тринкуло

Это мотив нашей песни; а играет ее господин Никто.

Стефано

Если ты человек, то покажись, каков ты есть. А если дьявол, то прими любой вид — на выбор.

Тринкуло

Господи боже, отпусти мне мои грехи!

Стефано

Коли ты помрешь, с тебя ничего не взыщут... Я тебя не боюсь!.. Господи, прости и помилуй!

Калибан

Ты испугался?

Стефано

Кто? Я? Ну нет, чудище, я не таковский.

Калибан

Ты не пугайся: остров полон звуков —
И шелеста, и шепота, и пенья;
Они приятны, нет от них вреда.
Бывает, словно сотни инструментов
Звонят в моих ушах; а то бывает,
Что голоса я слышу, пробуждаясь,
И засыпаю вновь под это пенье.
И золотые облака мне снятся.
И льется дождь сокровищ на меня...
И плачу я о том, что я проснулся.

Стефано

Вот это королевство! Даже музыка задарма.

Калибан

Но только сначала убей Просперо.

Стефано

Это само собой. Я все помню.

Тринкуло

Музыка удаляется. Пойдем вслед за нею, а потом займемся нашим делом.

Стефано

Чудище, ступай вперед, а мы пойдем следом... Хотел бы я посмотреть на этого барабанщика: здорово он лупит по барабану.

Тринкуло

(Калибану)

Эй ты, ступай вперед. — Стефано, я за тобой.

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть острова. Входят Алонзо, Себастьян, Антонио, Гонзало, Адриан, Франсиско и другие.

Гонзало

Клянусь пречистой девой, государь,
Ни шагу больше не могу я сделать:
Изныли кости старые. Весь остров
Измерили мы вдоль и поперек.
Позвольте хоть немного отдохнуть.

Алонзо

Тебя, старик, я осуждать не стану:
И сам уже и выбился из сил.
Что ж, отдыхай. Прощаюсь я с надеждой,
Которой обольщался до сих пор.
Он утонул, сомнений в этом нет;
И море насмехается над теми,
Кто на земле его добычу ищет.

Антонио

(Себастьяну)
Он потерял надежду. Превосходно!
Смотри же, из-за первой неудачи
Решенья своего не измени.

Себастьян

Нет, нет, пусть только подвернется случай.

Антонио

Итак, сегодня ночью все свершим!
Они измучены. Спать будут крепко,
Не то что днем.

Себастьян

Да, ночью. Решено.

*Странная и торжественная музыка. Наверху появляется невидимый
Просперо.*

Алонзо

Вы слышали, друзья? Какие звуки!

Гонзало

Волшебная гармония!

*Появляются странные **фигуры**; они вносят накрытый стол. Танцуя и кланяясь, они жестами приглашают к столу короля и его свиту, после чего исчезают.*

Алонзо

О боже!
Кто эти существа?

Себастьян

Живые куклы.[16](#)
Теперь и я поверю в чудеса:
В единорогов[17](#), в царственную птицу,
Что Фениксом[18](#) зовется и живет
В Аравии...

Антонио

И я готов поверить
Во все, что ты сказал... Во что угодно...
Нет, путешественники нам не лгут,
Хоть дураки над ними и смеются.

Гонзало

Вернись в Неаполь я и Расскажи
Об этом чуде — кто бы мне поверил,
Что видел я таких островитян
(А это люди здешние, конечно),
Которые, хоть обликом и странны,
Но так гостеприимны и учтивы,
Как мало кто из нас.

Просперо

(в сторону)
Мой честный друг,
Ты прав: здесь, между вами, люди есть
Похуже дьяволов.

Алонзо

Я надивиться не могу на них:
Их музыка, их жесты, их движенья
Красноречивей, чем потоки слов.

Просперо

(в сторону)
Постой хвалить: конец венчает дело.

Франсиско

Как странно все они исчезли вдруг.

Себастьян

Что за беда? Зато остались яства,
А мы проголодались не на шутку.
(К Алонзо.)
Отведать не угодно ли?

Алонзо

О нет!

Гонзало

Чего же вам бояться, государь?
Да, в юности не верил я рассказам
О том, что есть диковинные люди
С подгрудками, как у быков; что есть
Другие — с головами на груди,
Но нашему свидетельству поверит
И самый искушенный мореход.

Алонзо

Ах, все равно! Я сяду и поем,
Будь даже эта трапеза последней:

От жизни больше нечего мне ждать. —
Брат, герцог, подкрепитесь вместе с нами.

*Гром и молния. Появляется **Ариэль** в образе гарпии¹⁹. Он взмахивает крылами над столом, и яства исчезают.*

Ариэль

Преступники вы трое, и судьба,
Которой в этом мире все подвластно,
Велела ненасытной бездне моря
Извергнуть вас на сей пустынный остров:
Вы недостойны жить среди людей.
Я на безумие вас обрекаю.

***Алонзо, Себастьян и другие** обнажают мечи.*

Жалка отчаянность самоубийц.
Глупцы! И я, и все мои собратья —
Посланники судьбы. И ваша сталь
Могла бы точно так же ранить ветер
Иль поцарапать воду, как она
Из крыл моих пушинку вырвать может.
Неуязвимы и мои собратья.
Да вам и не поднять своих мечей.
Для вас их тяжесть стала непосильной.
Итак, я здесь, чтоб вам троим напомнить:
Вы Просперо изгнали из Милана
И отдали во власть морской стихии.
За Просперо и за его дитя
Нескорое, но тяжкое возмездье
Благие силы ниспослали вам:
По воле их на вас восстало море,
Земля и все живые существа.-
Алонзо, ты уже утратил сына.
И, сверх того, на ваших всех путях

Вас ожидают медленные муки,
Которые страшнее самой смерти.
И вас на этом острове пустынном
От моего проклятья не спасет
Ничто — одно лишь разве покаянье
И праведная жизнь!

*Раскаты грома, **Ариэль** исчезает. Под звуки мелодичной музыки снова появляются странные **фигуры**. Приплясывая, с гримасами и ужимками, они уносят стол.*

Просперо

(в сторону)
Мой Ариэль! О, как ты был прекрасен
И вместе страшен, гарпией явившись!
Сказал ты все, что я тебе велел,
Не упустив ни слова. И другие
Помощники мои легко и живо
Сыграли им порученную роль.
И вот уже подействовали чары:
Мои враги охвачены безумьем
И власть моя над ними безгранична.
Оставлю их пока, чтоб возвратиться
К покинутому мною Фердинанду,
Которого они сочли погибшим,
И к той, что нам обоим дорога.
(Исчезает.)

Гонзало

Что с вами, государь? О боже правый,
Куда так странно вы вперили взор?

Алонзо

Чудовищно! Ужасно! Мне казалось,
Что волны мне об этом говорили,
Что ветер мне свистал об этом в уши,
Что в исступленном грохоте громов
Звучало имя Просперо, как будто
Трубили трубы о моем злодействе!
За это сын мой в тине погребен.
Но хоть пришлось бы мне спуститься глубже,
Чем лот свинцовый, я его найду,
Чтобы уснуть навеки рядом с ним!
(Уходит.)

Себастьян

Всех дьяволов — по очереди только —
Зову на бой!

Антонио

А я — твой секундант!

Себастьян и Антонио уходят.

Гонзало

Все трое обезумели. Их мозг
Давно отравлен ядом преступления.

Но лишь теперь подействовал тот яд!-
Синьоры, вы моложе и проворней,
Так поспешите же вослед безумцам,
Чтобы в своем неистовстве они
Не натворили бед.

<i>Адриан</i>

Скорей! За мной!

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА 1

Перед пещерой Просперо.

*Входят **Просперо**, **Фердинанд** и **Миранда**.*

Просперо

Жестоко я с тобою поступил,
Но будешь ты вознагражден сторицей:
Нить жизни собственной тебе вручаю,
Все, чем живу, тебе я отдаю.
С тобою так сурово обращаясь,
Твою любовь хотел я испытать.
И выдержал ты с честью испытанье.
Прими же, друг, перед лицом небес
Мой драгоценный дар. О Фердинанд!
Не удивляйся, что горжусь я так
Своею дочерью. Ты сам увидишь,
Что все хвалы ничтожны по сравненью
С достоинствами редкими ее.

Фердинанд

Клянусь, что в этом ни один оракул
Меня не разуверил бы!

Просперо

Итак.
Бери мой дар, тобою он заслужен.
Но если ты кощунственной рукой
Ей пояс целомудрия развяжешь
До совершенья брачного обряда —
Благословен не будет ваш союз.
Тогда раздор, угрюмое презренье
И ненависть бесплодная шипами
Осыплют ваше свадебное ложе,
И оба вы отринете его.
Так охраняй же чистоту, пока
Не озарил вас светоч Гименея.

Фердинанд

Клянусь своею жизнью и любовью,
Грядущим счастьем и потомством нашим,
Что не позволю сумраку пещер,
Уединенью и дурным внушеньям
Злых духов осквернить мои мечты,
Благоговенье переплавить в похоть.
Не омрачу тот лучезарный день,
Когда казаться будет мне, что Феб
Остановил коней на небосводе,
Что ночь внизу прикована цепями!

Просперо

Такая речь мне по душе. Садись же
И побеседуй с ней. Она твоя. —
Мой Ариэль! Искусный мой помощник!

Появляется Ариэль.

Ариэль

Я здесь! Что мне прикажет повелитель?

Просперо

И ты, и младшие твои собратья
Мне послужили нынче хорошо.
Еще хочу вам дать я порученье.
Зови сюда тебе подвластных духов.
Пусть поспешат. Для молодой четы
Я зрелище волшебное устрою.
Я обещал, и ждут они чудес.

Ариэль

Когда мне их созвать?

Просперо

Без промедленья.

Ариэль

Рад служить тебе всегда,
Для тебя не жаль труда.
Миг — и явится сюда
Легких духов череда.
Ты доволен? Нет иль да?

Просперо

Доволен я, мой нежный **Ариэль**,
Явись сейчас же, как мой зов услышишь.

Ариэль

Приказ я понял.
(Исчезает.)

Просперо

(Фердинанду)
Клятву не забудь.
Своим желаньям воли не давай,
Будь сдержан. И великие обеты
В огне страстей сгорают, как солома.

Фердинанд

Нет, мой отец, я не нарушу клятвы!
Снег целомудрия лежит на сердце,
Жар страсти охлаждая.

Просперо

Верю, верю. —
Явись, мой Ариэль! И приведи
С собою сонм тебе подвластных духов.
(К Фердинанду и Миранде.)
Молчание! Смотрите и внимайте!

Музыка. Начинается Маска. [20](#) *Появляется Ирида.* [21](#)

Ирида

Церера щедрая, услышь призыв!
Покинь просторы благодатных нив,
Покинь равнины с их ковром зеленым,
Стада, бродящие по горным склонам,
Покинь цветы на берегах реки,
Из коих нимфы вьют себе венки,
Покинь шатер ветвей уединенный,
Где слезы льет отвергнутый влюбленный,
Покинь сады с их ароматом роз
И тот прибрежный сумрачный утес,
Где отдыхаешь ты. Сюда Юнона
Грядет, сойдя с заоблачного трона.
Я, радуга, предвестница чудес,

Мост, на землю опущенный с небес,
Зову — встречай ее! Уже долины
Наполнил шум: летят ее павлины.[22](#)

Появляется *Церера*.[23](#)

Церера

Привет тебе, небесная дуга,
Посланница Юноны и слуга!
О вестница, чьи радужные крылья
Моим полям даруют изобилье,
Дождем их окропляя и росой.
О ты, что многоцветной полосой,
Как поясом, охватываешь землю!
Зачем меня зовешь? Тебе я внимлю.

Ирида

Исполни волю царственной сестры:
Юнона хочет принести дары,
Благословенье дать чете влюбленной.

Церера

О ты, венец, над миром округленный,
Скажи, не явятся ль с моей сестрой
Венера или сын ее слепой?
Я видеть не хочу ни Купидона,
Ни матери его. Ведь для Плутона[24](#)

Они вдвоем мою украли дочь,
И вечная ее сокрыла ночь.

Ирида

О нет, не опасайся встречи с ними,
С обидчиками давними твоими:
Они сейчас на Пафос²⁵ держат путь
В досаде, что не удалось толкнуть
Влюбленных этих: на стезю распутства,
Внушить им страсти пыл и безрассудство,
Пока Гимена светоч не зажжен.
Смущенный неудачей Купидон
Сломал свой лук и клятву дал — отныне
Не осквернять людских сердец святыни
И лишь невинно резвым быть.

Церера

Но вот
Самой Юноны слышу я полет.

Появляется Юнона.

Юнона

Привет тебе, сестра! В свои владенья
Вернешься ты опять без промедленья,
Прошу лишь, чтоб со мною вместе ты
Благословила брак молодой четы.

(Поет.)

Род ваш славный процветет.
Вам богатство и почет,
Счастья годы без числа
Я, Юнона, принесла.

Церера

(поет)

Будут щедры к вам поля,
Изобилье даст земля,
Хлеб заполнит закрома,
Маем станет вам зима,
Будут вам давать сады
Небывалые плоды,
Жизнь без горя и забот
Вам Церера в дар несет.

Фердинанд

С великолепным зрелищем в согласье
Чарующая музыка. Осмелюсь
Спросить: не духи ль это?

Просперо

Это духи.
Которых я своим искусством вызвал,
Желаниям моим служить велел.

Фердинанд

О, если бы остаться здесь навеки!
С такой женой, с таким отцом премудрым
Здесь был бы рай.

Юнона и Церера шепчутся и отдают Ириде какое-то приказание.

Просперо

Постой-ка! Помолчи!
О чем-то важном шепчутся богини,
Готовят, верно, что-то. Замолчи же,
Иначе наши чары пропадут.

Ирида

Кувшинками венчанные наяды!
Покиньте реки, полные прохлады!
Сюда, на этот изумрудный луг,
Своих Юнона созывает слуг.
Влюбленным, нимфы, пожелайте счастья,
Примите в брачном празднестве участие.

Появляются нимфы.

Вы, солнцем опаленные жнецы,
Чьи шляпы из соломы как венцы
Горят над лбами, мокрыми от пота!
Сюда! Дневная кончена работа!
Пусть каждый нимфу за руку возьмет

И вступит с ней в веселый хоровод.

*Появляются жнецы в крестьянской одежде. Вместе с нимфами они кружатся в грациозном танце. Внезапно **Просперо** встает и начинает говорить, в конце его речи раздается странный глухой шум и видения исчезают.*

Просперо

Я и забыл о гнусном покушенье
На жизнь мою, которое готовят
Зверь Калибан и те, кто с ним. А час,
Назначенный злодеями, уж близок.
(Духам.)
Доволен я. — Исчезните. — Конец.

Фердинанд

Чем огорчен родитель твой, Миранда?

Миранда

Не знаю. Не видала никогда
Его я столь встревоженным и гневным.

Просперо

Мой милый сын, ты выглядишь смущенным
И опечаленным. Развеселись!
Окончен праздник. В этом представленье
Актерами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они. —
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь. — Мой сын,
Взволнован я. Простите эту слабость.
Смешались мысли в старой голове.
Не обращайтесь на меня вниманья.
Ступайте же в пещеру, отдохните,
А я пока немного поброжу,
Чтобы унять волнение.

Фердинанд и Миранда

(вместе)
Успокойтесь!

Уходят.

Просперо

Ко мне, мой Ариэль! Будь скор, как мысль!

Появляется Ариэль.

Ариэль

Я исполнитель мыслей. Что прикажешь?

Просперо

Дух! Нам уже готовиться пора,
Чтоб Калибана встретить.

Ариэль

Повелитель,
Хотел тебе напомнить я об этом,
Когда Цереру здесь изображал,
Но побоялся рассердить.

Просперо

Скажи,
Где ты оставил этих негодяев?

Ариэль

Они совсем взбесились от вина.
С отвагой пьяной бьют безумцы ветер
За то, что им подул в лицо; бьют землю
За то, что прикоснулась к их подошвам;
Но все же замысел лелеют свой.
Я в барабан ударил. С недоверьем,
Как необъезженные жеребцы,
Они сейчас же наострили уши,
Глаза скосили, подняли носы,
Принюхиваясь к музыке. А я
Заворожил их слух, и, как телята
Вослед мычанью, побрели они
Сквозь заросли шиповника и дрока,
Колючками с себя сдирая кожу.
Я их завел в болото, где они
Увязли по уши в вонючей жиже.

Просперо

Так! Хорошо, помощник мой крылатый!
По-прежнему незримым оставайся.
В моей пещере много ярких тряпок —
Сюда их принеси, чтоб эти воры
Прельстились мишурой.

Ариэль

Лечу! Лечу!
(Исчезает.)

Просперо

Нет, Калибана мне не приручить!
Он прирожденный дьявол, и напрасны
Мои труды и мягкость обращения.
Напрасно все! Становится с годами
Он лишь еще уродливей и злей.
Но я их покараю всех, да так,
Что завопят...

Является Ариэль с яркими одеждами.

Развесь все на веревке.

Пресперио и Ариэль остаются невидимыми. Входят промокшие и грязные Калибан, Стефано и Тринкуло.

Калибан

Тсс! Тише! Чтоб и крот слепой не слышал,
Как мы ступаем. Вот его пещера.

Стефано

Послушай, чудище, эта твоя фея, о которой ты говорил, что она
безвредная фея, сыграла с нами премерзкую штуку.

Тринкуло

Чудище, я с ног до головы провонял конской мочой; в мой нос
испытывает по этой причине великое негодование.

Стефано

И мой тоже. Слышишь, чудище? Если ты попадешь ко мне в немилость, то смотри у меня!..

Тринкуло

Фью-у-у-у!.. Тогда ты будешь вовсе пропащее чудище!

Калибан

О, не лишай меня благоволения,
Мой добрый повелитель! Потерпи —
За все вознагражден ты скоро будешь.
Но тише! Тсс! Здесь тихо, будто в полночь.

Тринкуло

Так-то так, но потерять наши бутылки в болоте...

Стефано

Чудище, это не только стыд и срам, но более того — невознаградимая

утрата.

Тринкуло

Для меня это еще хуже, чем купанье в грязи. Вот так безобидная фея.

Стефано

Я разыщу бутылку, хотя бы мне для того пришлось залезть снова по уши в болото.

Калибан

О мой король, тревожиться не надо!
Вот вход. В пещеру прокрадись бесшумно,
Благое преступленье соверши,
И станешь ты на острове владыкой,
А я — лизальщиком твоих сапог.

Стефано

Дай-ка мне руку. Я чувствую, как во мне просыпается жажда крови.

Тринкуло

О король Стефано! О ваша светлость! О знаменитый Стефано!
Погляди, какие тут висят одежды для тебя!

Калибан

Оставь, дурак, ведь это только тряпки!

Тринкуло

Как бы не так, чудище! В чем в чем, а уж в тряпье мы знаем толк... О король Стефано!

Стефано

Сдерни-ка эту мантию, Тринкуло! Клянусь кулаком, я надену эту мантию.

Тринкуло

Твоя милость ее наденет.

Калибан

Раздуй тебя водянка, остолоп!
Что к этому тряпью ты привязался?
Сначала надо Просперо убить.
Ведь он же, если мы его разбудим,
Исциплет нас от головы до пят
Так, что самих себя мы не узнаем.

Стефано

Чудище, не ерепенься! Госпожа веревка, не мой ли это камзол? Ну вот, господин камзол, вы так прильнули к госпоже веревке, что никак ее не распутать. От этого распутства вы еще, чего доброго, сотрете свой ворс и станете плешивым камзолом.

Тринкуло

Давай, давай! Если будет угодно вашему высочеству, мы стащим с веревки все до нитки.

Стефано

Спасибо, ты славно сострил. Вот тебе за это платье. Пока я царствую в этой стране, остроумие всегда будет вознаграждаться. Стащить с веревки все до нитки? Вот здорово отмочил. На тебе за это еще штаны.

Тринкуло

Ну-ка, чудище, намажь птичьим клеем свои лапы да забирай то, что осталось.

Калибан

Не буду. Мы напрасно тратим время.
Он в чаек может нас преобразить Иль в мерзких низколобых обезьян.

Стефано

Чудище, протяни свои лапы. Помоги мне снести все имущество туда, где спрятана бочка, не то я тебя вышвырну из своего королевства. Ну, живо! Держи это.

Тринкуло

И это.

Стефано

И вот это.

Слышен шум приближающейся охоты. Появляются **духи** в образе гончих псов и преследуют воров. **Просперо** и **Ариэль** науськивают собак.

Просперо

Ату, Алмаз, ату!

Ариэль

Куси его, Тиран!

Просперо

Эй, Фурия, возьми их, улю-лю!

Калибан, Стефано и Тринкуло убегают, преследуемые псами.

Просперо

Лети и духам прикажи лесным,
Чтоб корчами замучили злодеев,
Чтоб судорогой мышцы им свели,
Чтоб кожу им щипками испестрили,
Как шкуру леопарда.

Ариэль

Чу, вопят!

Просперо

И поделом — пусть гончие их травят.
Итак, отныне все мои враги —
В моих руках. Труды я скоро кончу,
Тогда вздохнешь ты воздухом свободы.
Но напоследок послужи еще.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Перед пещерой Просперо.

*Входят **Просперо** в своей волшебной мантии и **Ариэль**.*

Просперо

Мой замысел уж близок к завершению.
Власть чар сильна, покорно служат духи,
И колесница времени как должно
Везет свой груз. Скажи, который час?

Ариэль

Шестой. Ты говорил мне, повелитель,
Что кончишь в шесть часов свои труды.

Просперо

Я так определил еще тогда,
Когда впервые вызвал эту бурю.
Что делают сейчас король и свита?

Ариэль

Они, как пленники, не могут выйти
Оттуда, где оставлены тобой:
Все в той же роще, что от непогоды
Защитой служит для твоей пещеры.
Освободить их можешь только ты.
Король, брат короля, твой брат — все трое
По-прежнему безумны; остальные
В отчаянье оплакивают их.
А больше всех горюет тот, кого
Назвал ты добрым стариком **Гонзало**.
По бороде его струятся слезы —
Так дождь стекает с камышовой кровли.
Как мучатся от чар твоих они!
Взглянув на них, ты сам их пожалел бы.

Просперо

Ты полагаешь?

Ариэль

Будь я человеком,
Мне было бы их жаль.

Просперо

И мне их жалко.
Уж если их мученьями растроган
Ты, бестелесный дух, то неужели
Я, созданный из плоти, как они,
Кому близки их чувства и желанья,
Не буду сострадательней, чем ты?
Хотя обижен ими я жестоко,
Но благородный разум гасит гнев
И милосердие сильнее мести.
Единственная цель моя была
Их привести к раскаянью. Я больше
К ним не питаю зла. Освободить
Ты должен их. Заклятье я сниму,
И возвратится снова к ним рассудок.

Ариэль

Лечу приказ исполнить, повелитель.
(*Исчезает.*)

Просперо

Вы, духи гор, ручьев, озер, лесов!
И вы, что на берегах морских резвитесь,
Что гоните Нептуна в час отлива
И от него опять потом бежите,
Следов не оставляя на песке!
Вы, крошки эльфы, что при лунном свете
В незримой пляске топчете траву,
Которую потом обходят овцы![26](#)
Вы, по ночам растящие грибы!
Вы все, кого зовет вечерний звон
К ночным забавам, шалостям и играм!

Хотя вы сами не сильны, но все же
Лишь с вашей помощью затмил я солнце,
Мятежный ветер подчинил себе,
В лазурь небес взметнул зеленый вал
И разбудил грохочущие громы.
Стрелой Юпитера я расщепил
Его же гордый дуб, обрушил скалы,
С корнями сосны вырвал я и кедры.
По моему велению могилы
Послушно возвратили мертвецов.
Все это я свершил своим искусством.
Но ныне собираюсь я отречься
От этой разрушительной науки.
Хочу лишь музыку небес призвать
Чтоб ею исцелить безумцев бедных,
А там — сломаю свой волшебный жезл
И схороню его в земле. А книги
Я утоплю на дне морской пучины,
Куда еще не опускался лот.

*Торжественная музыка. Возвращается **Ариэль**. За ним следует **Алонзо**, делающий судорожные движения, его сопровождает **Гонзало**. Далее, в таком же состоянии, — **Себастьян** и **Антонио**, которых сопровождают **Адриан** и **Франсиско**. Все они вступают в магический круг, очерченный **Просперо**, и останавливаются, зачарованные.*

Просперо

(обращается сначала к Алонзо)
Торжественная музыка врачует
Рассудок, отуманенный безумьем,
Она кипящий мозг твой исцелит.
Стань здесь и знай, что ты во власти чар. —
Гонзало добродетельный и честный,
Мои глаза, сочувствуя твоим,
Роняют слезы. — Но уже слабеет
Могущество ужасного заклятья.

Как утро, незаметно приближаясь,
Мрак ночи постепенно растопляет,
Так воскресает мертвое сознание,
Туман безумья отгоняя прочь. —
Гонзало, мой спаситель благородный
И государя преданный слуга!
Я, возвратясь на родину, словами
И делом отблагодарю тебя. —
Алонзо, поступил бесчеловечно
Со мною ты и с дочерью моей.
Твой брат был соучастником злодейства. —
Ты, Себастьян, казись теперь за это. —
Ты, плоть и кровь моя, родной мой брат;
Ты, в ком неистовое честолюбье
Попрало совесть и природу; ты,
Кто думал с Себастьяном (пусть за это
Казнится вдвое) короля убить, —
Хоть изверг ты, но и тебя прощаю. —
Сознание возвращается к безумцам,
И полноводный разума поток
Вновь затопляет илистое русло.
Но ни один из них меня не видит,
Узнать меня не может. — Ариэль!
Возьми в моей пещере меч и шляпу.

Ариэль исчезает.

Теперь я стану зримым и явлюсь
Пред ними снова как миланский герцог. —
Скорее, дух! Близка твоя свобода!

Ариэль

(появляется и поет, помогая Просперо облачиться)

Буду я среди лугов
Пить, как пчелы, сок цветов,
Ночью лютик даст мне кров,

Там засну под крики сов;
Чуть зари услышу зов —
К ней помчусь быстрее ветров.
Радостной, радостной жизнью свободы
Буду я жить средь цветущей природы.

Просперо

Мой нежный, мой веселый Ариэль!
Как мне ни жаль с тобою расставаться,
Свободу ты получишь. Да, да, да!
Но мчись теперь незримым на корабль
И разбуди матросов, спящих в трюме.
Пускай немедля Капитан и Боцман
Появятся пред нами. Торопись!

Ариэль

Глотать я буду воздух на лету,
Мой путь займет лишь два биенья пульса.
(Исчезает.)

Гонзало

Как все вокруг таинственно и странно,
Тревожно и зловеще. Силы неба,
Молю, отсюда выведите нас!

Просперо

Король, взгляни сюда — перед тобою
Обиженный тобой миланский герцог.
Я — Просперо. Не бойся, я не призрак
И это докажу, обняв тебя.
Король, и ты, и спутники твои,
Добро пожаловать на этот остров!

Алонзо

Кто ты — тот, кем назвался, иль виденье
Из тех, что здесь преследуют меня, —
Не знаю я... Но слышу, что в тебе,
Как в существах из плоти, бьется сердце.
И вот — проходит боль в моем мозгу;
Боюсь, что был я одержим безумьем.
То было явью или сном? Как странно!
Прости меня за тяжкие обиды,
Я герцогство твое тебе верну. —
Но как мог Просперо живым остаться
И очутиться здесь?

Просперо

(к Гонзало)
Хочу сначала
Обнять тебя, мой седовласый друг,
Тебя, чье благородство безгранично.

Гонзало

На самом деле это или только
Мне кажется? Клянусь, не понимаю.

Просперо

Вы все еще не до конца свободны
От власти волшебства. И нелегко
Поверить вам в действительность. —
Друзья, Вам всем я рад.
(Тихо, Себастьяну и Антонио.)
А что до вас, синьоры, —
Вы стоите друг друга, — я бы мог
Навлечь на вас немилость государя,
Изобличив в измене. Но не бойтесь:
Я промолчу.

Себастьян

(в сторону)
Он, видно, дьявол?

Просперо

Нет.
(К Антонио.)
Тебе ж, злодей (чтоб уст не осквернить,
Тебя назвать я братом не хочу),
Твой давний грех прощаю. Все прощаю.
Но герцогство ты должен мне вернуть.

Алонзо

Когда ты — Просперо, то объясни,
Как спасся ты и как нашел ты нас
Здесь, где всего лишь три часа назад
Мы потерпели кораблекрушение,
Здесь, где — о горе мне! — утрачен мною
Мой милый сын.

Просперо

Мне скорбь твоя понятна.

Алонзо

Увы, потеря невознаградима.
Здесь даже и терпенье не поможет.

Просперо

А у него искал ли ты поддержки?
В потере столь же горькой я прибег
К его державной помощи — и, видишь.
Утешился.

Алонзо

В потере столь же горькой?

Пресперо

О да, в столь же большой, в столь же недавней!
И возместить бесценную потерю,
Пожалуй, мне труднее, чем тебе:
Утратил я единственную дочь.

Алонзо

Утратил дочь? О, если б небеса
Обоих оживили и вернули
В Неаполь королем и королевой!
О, если бы не сын мой **Фердинанд**,
А я лежал, покрытый грязной тиной!..
Когда же дочь свою ты потерял?

Пресперо

Во время этой бури. Но я вижу,
Что наша удивительная встреча
Так потрясла умы синьоров этих,
Что собственным глазам они не верят
И не находят слов. Но знайте все:
Я точно — Пресперо, тот самый герцог,
Которого изгнали из Милана.
На этот берег, так же как и вы,
Был выброшен я чудом и остался

Владыкой острова. Но кончим с этим:
Ведь было б глупо хронику читать
За трапезой иль в час подобной встречи.
Добро пожаловать в мою пещеру.
Глубокая пещера — мой дворец,
Слуг мало здесь, а подданных нет вовсе.
Взгляни, король! За герцогство мое,
Которое ты мне вернул обратно,
Тебе я отплачу великодушно.
Моим чудесным даром восхитишься
Ты больше, чем я — герцогством своим.

Открывается вход в пещеру; там Фердинанд и Миранда играют в шахматы.

Миранда

Мой нежный друг, не хочешь ли меня
Поймать в ловушку?

Фердинанд

Ни за что на свете,
Любимая, хитрить с тобой не мог бы.

Миранда

За сотню царств наверно бы схитрил,
Но честной все ж сочла бы я игру.

Алонзо

Коль это — лишь волшебное виденье,
Утрачу я единственного сына
Сегодня дважды.

Себастьян

Чудо из чудес!

Фердинанд

(преклоняя колени перед Алонзо)
Так море я напрасно проклинал?
Оно грозит, но все же милосердно!

Алонзо

Мой Фердинанд! Тебя благословляет
Счастливый твой отец. Но встань с колен
И расскажи, как спасся ты.

Миранда

О чудо!
Какое множество прекрасных лиц!

Как род людской красив! И как хорош
Тот новый мир, где есть такие люди!

Пресперио

Тебе все это ново.

Алонзо

(Фердинанду)

Кто она,
Та девушка, с кем в шахматы играл ты?
Ты с ней знаком не дольше трех часов.
Скажи, — она, наверное, богиня,
Что разлучила нас и вновь свела?

Фердинанд

Нет, смертная она. По мне ее
Бессмертное вручило провиденье.
Когда ее я избирал — не думал,
Что у отца смогу спросить совета.
Дочь герцога Миланского она,
Которого я не видал, хоть много
О нем слышал. Он дал мне жизнь вторично.
И вот теперь избранница моя
Его вторым отцом мне нарекает.

Алонзо

Зато я тем же стану для нее.
Но не ужасно ли просить прощенья
У собственных детей?

Просперо

Оставим это.
Отягощать не будем нашу память
Несчастьями, которые прошли.

Гонзало

Не мог я подавить рыданий сердца
И оттого молчал. Венчайте, боги,
Двух любящих короною счастливой:
Конечно, вами был начертан путь,
Приведший нас сюда.

Алонзо

Аминь, Гонзало!

Гонзало

Не для того ль был изгнан из Милана
Миланский герцог, чтоб его потомки

В Неаполе царили? О, ликуйте!
Пишите золотыми письменами
На нерушимых каменных скрижалях
О том, как в этом плаванье счастливом
Дочь короля нашла себе супруга,
Сын короля нашел себе жену
Там, где мы все сочли его погибшим,
А Просперо нашел свои владенья
На острове пустынном. Мы же все
Нашли себя, когда уже боялись
Утратить свой рассудок.

Алонзо

(Фердинанду и Миранде)
Дайте руки.
Пусть тот, кто вам не пожелает счастья,
Скорбит всю жизнь.

Гонзало

Да будет так. Аминь!

*Появляется **Ариэль**, за ним следуют изумленные **Капитан** и **Боцман**.*

О государь! Еще знакомцы наши!
Я говорил, что этот не утонет, Пока на свете виселицы есть.
Ну, богохульник, ты ругался в море, На суше ты молчишь? Отсох
язык?
Какие новости ты нам расскажешь?

Боцман

Вот новость, лучшая для нас: король
И спутники его — все невредимы!
А вот другая новость: наш корабль,
Что три часа назад разбился в щепы,
Стоит опять целехонек, наряден,
Как в первый день, когда он вышел в море.

Ариэль

(к Просперо)
Все это, повелитель, я устроил.

Просперо

(Ариэлю)
Искусный и проворный Ариэль!

Алонзо

События сверхъестественные, право!
И с каждою минутой все чудесней!
Как вы сюда попали?

Боцман

Государь,
Я расскажу, хотя и не уверен,
Что я не сплю. Не знаю, как случилось,

Но в трюме нас свалило мертвым сном.
Вдруг поднялся какой-то странный шум,
И крик, и вой, и лязг цепей, и скрежет.
Проснулись мы и, выйдя на свободу,
Увидели наш царственный корабль
В порядке полном и новей, чем прежде.
От радости подпрыгнул Капитан.
Тут подхватила нас, как в сновиденье,
Какая-то неведомая сила,
И в миг один мы очутились здесь.

Ариэль

(к Просперо)
О повелитель, ты доволен мною?

Просперо

(Ариэлю)
Прекрасно, мой усердный Ариэль!
Свободен будешь ты.

Алонзо

Мы словно бродим
В таинственном и дивном лабиринте.
Таких чудес не ведает природа,
Их лишь оракул сможет объяснить.

Просперо

О государь, не напрягайте ум
Разгадываньем тайн. Сам на досуге
Я происшедшее вам объясню;
Вы скоро все поймете. А пока
Отдайтесь радости, вкушайте счастье.
(Ариэлю.)

Мой Ариэль! Освободи от чар
И приведи скорее Калибана
И двух его сообщников сюда.

Ариэль исчезает.

Ну как вы, государь? Из вашей свиты
Здесь кой-кого еще недостает.

Возвращается Ариэль, гоня перед собою Калибана, Стефано и Тринкуло: последние двое наряжены в украденные одежды.

Стефано

Все за одного, а один за никого, ибо нами управляет рок. Бодрись, молодчага чудище, бодрись!

Тринкуло

Если только два соглядатая на моем лице не врут, то перед нами — зрелище на славу!

Калибан

О Сетебос! Как грозны эти духи!
Как ослепителен мой господин!
Боюсь, накажет он меня.

Себастьян

Ха, ха!
Взгляни, Антонио, на эти рожи!
Нельзя ли их купить?

Антонио

Должно быть, можно.
Одна из этих тварей — просто рыба
И, верно, продается.

Просперо

Полюбуйтесь
На этих трех преступников, синьоры.
Вот этот безобразный раб — сын ведьмы,
Колдуньи столь искусной, что луна
Служила ей покорно, вызывая
Приливы и отливы ей в угоду...
Они втроем ограбили меня.
А этот полудьявол — потому что

Он отпрыск дьявола и этой ведьмы —
Их подговаривал меня убить.
Те двое вам достаточно известны,
А это порождение тьмы — мой раб.

Калибан

Теперь меня зацепит он до смерти.

Алонзо

Как! Стефано? Мой пьяница дворецкий?

Себастьян

Пьян и сейчас. Где ж он добыл вина?

Алонзо

И Тринкуло качает, как былинку!
Но где они нашли такую жидкость.
Чтоб человеческий утратить облик?
(К Тринкуло.)
Ответь, дурак, где нахлестались вы?

Тринкуло

Ох, с тех пор как мы виделись в последний раз, меня так нахлестали, что пробрало до самых костей. Теперь уж меня ничем не удивишь.

Себастьян

А ты что скажешь, **Стефано**?

Стефано

Ой, не трогайте меня! Я не Стефано, а сплошная судорога.

Просперо

Ты, плут, мечтал быть здешним королем?

Стефано

Если и королем, то уж тогда королем болячек.

Алонзо

(указывая на Калибана)
Вот удивительное существо.

Пресперио

Уродлив он и телом и душой.
(Калибану.)
Эй ты, в мою пещеру отправляйся,
С собой возьми приспешников своих.
Коль вы хотите заслужить прощенье —
Все вычистите там и приберите.

Калибан

Исполню все. Прощенье заслужу
И стану впредь умней. Тройной осел!
Дрянного пьяницу считал я богом!
Я дураку тупому поклонялся!

Пресперио

Ступайте прочь!

Алонзо

А вещи положите
Туда, где их нашли.

Себастьян

Верней, украли.

Калибан, Стефано и Тринкуло уходят.

Просперо

Вас, государь, и приближенных ваших
Прошу пожаловать в мою пещеру,
Мы эту ночь там вместе проведем.
Надеюсь, время быстро пролетит:
Часть ночи я займу своим рассказом
О том, как я попал на этот остров,
О том, как жил я здесь. И поутру
Мы отплывем на корабле в Неаполь,
Где бракосочетание детей
Хочу я поскорее увидеть.
А после возвращусь домой, в Милан,
Чтоб на досуге размышлять о смерти.

Алонзо

Жду твоего рассказа с нетерпением,
Он, верно, слух наш прикует к себе.

Просперо

Все расскажу я вам. И обещаю;
Под вами будет море безмятежным;
Попутный ветер, паруса надув,
Поможет вам догнать флот королевский!

(Ариэлю.)

Исполни это, мой крылатый друг, —
И ты свободен! Возвратись к стихиям.
Прощай! Прощай!

(К остальным.)

Друзья, прошу сюда.

Уходят.

ЭПИЛОГ

(произносится актером, играющим Просперо)

Отрекся я от волшебства.
Как все земные существа,
Своим я предоставлен силам.
На этом острове унылом
Меня оставить и проклясть
Иль взять в Неаполь — ваша власть.
Но, возвратив свои владенья
И дав обидчикам прощенье,
И я не вправе ли сейчас
Ждать милосердия от вас?
Итак, я полон упования,
Что добрые рукоплесканья
Моей лады ускорят бег.
Я слабый, грешный человек,
Не служат духи мне, как прежде.
И я взываю к вам в надежде,
Что вы услышите мольбу,
Решая здесь мою судьбу.
Мольба, душевное смирение
Рождает в судьях снисхождение.
Все грешны, все прощенья ждут.
Да будет милостив ваш суд.

«БУРЯ»: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА

Пьеса была впервые напечатана в фолио 1623 года. Текст ее дошел до нас в хорошем состоянии. Несмотря на то, что «Буря» после «Комедии ошибок» — самая короткая из шекспировских пьес (2058 строк), некоторые критики полагают, что кое-что в дошедшем до нас тексте добавлено каким-то другим автором. Думают, например, что эпилог, а также вся «маска» с античными божествами и духами (IV, 1, после появления Ириды, особенно же песни Юноны и Цереры) не принадлежат Шекспиру. Все это, однако, маловероятно. Краткость пьесы скорее всего объясняется тем, что она была написана для постановки в придворном театре, где спектакли были короче, чем в городских театрах.

По своему стилю и общему характеру (принадлежность к жанру трагикомедии и определяемая этим пышность и живописность) «Буря» несомненно относится к последнему периоду творчества Шекспира, тесно примыкая к «Периклу», «Цимбелину» и «Зимней сказке». Известно, что «Буря» была представлена шекспировской труппой в придворном театре 1 ноября 1611 года. По всей вероятности, это была первая постановка пьесы, которая была написана незадолго перед тем.

В мае 1613 года «Буря» снова исполнялась при дворе во время празднеств по случаю бракосочетания дочери Иакова I принцессы Елизаветы и пфальцграфа Фридриха. Хотя о других ранних постановках ее сведений не сохранилось, однако, судя по ряду упоминаний о ней у современников, можно предполагать, что пьеса пользовалась успехом.

Узловой момент действия пьесы, определивший ее заглавие, — буря, разбившая корабль поблизости от Бермудских островов, — был подсказан Шекспиру действительным событием его времени. В 1609 году английская эскадра под начальством адмирала Джорджа Сомерса, плывшая в Виргинию, первую английскую колонию в Америке, потерпела жестокое крушение около Бермудских островов. Адмиральский корабль дал течь и спасся от гибели только благодаря тому, что Сомерсу удалось сделать благополучную высадку на берегу одного из островов, усеянном острыми скалами.

В 1610 году вышло в свет описание этой экспедиции, в котором, между прочим, рассказывается: «Сэр Джордж Сомерс сидел на корме при

свете звезд и, считая, что спасение невозможно, ежеминутно ожидал, что пойдет ко дну. Вдруг он завидел землю, — по мнению капитана Ньюпорта и его собственному, это не могло быть ни чем иным, как только берегами тех ужасных Бермудских островов, которые у всех народов слыли зачарованными, населенными дьяволами и ведьмами, так как около них вечно гремел гром, сверкали молнии и бушевали ужаснейшие бури. Все побережье было усеяно крайне опасными подводными скалами, вследствие чего к нему невозможно было приблизиться без риска потерпеть кораблекрушение». Все это соответствует описанию острова в шекспировской пьесе.

Что касается сюжета пьесы, прикрепленного к этой обстановке, то прямой источник его до сих пор не разыскан. В сюжетном отношении к «Буре» чрезвычайно близка немецкая драма XVI или самого начала XVII века (точная дата неизвестна) Якоба Айрера (ум. в 1605 г.) «Прекрасная Сидея». В ней рассказывается, что князь Лейдегаст захватил владения князя Лудольфа, который вместе со своей дочерью Сидеей был вынужден отправиться в изгнание и поселиться в дремучем лесу. Будучи искусным волшебником, Лудольф заставил служить себе духа Рупцифаля (шекспировский Ариэль) и грубого, совсем дикого человека Яна Моситора (шекспировский Калибан). Через некоторое время в тот же лес попал сын Лейдегаста, Энгельбрехт. Оказавшись во власти Лудольфа, и был осужден последним на носку дров. Сидея, увидев юношу, прониклась к нему жалостью, перешедшей в любовь. Энгельбрехт также полюбил ее, и дело кончилось браком между молодыми людьми, который привел к примирению их родителей.

Трудно допустить, чтобы пьеса Айрера могла получить известность в Англии, поскольку на знакомство с этим автором по ту сторону Ламанша нет никаких указаний. Основываясь на том, что Айрер нередко обрабатывал сюжеты пьес, привозимых в Германию странствующими английскими труппами, исследователи предполагают, что и «Буря» и «Прекрасная Сидея» восходят к какой-то более старой английской пьесе, до нас не дошедшей.

Делались попытки искать сюжетный источник шекспировской пьесы и в других направлениях. Было, например, отмечено, что в одном из рассказов книги испанского писателя Антонио де Эславы «Зимние вечера» (1609) изображается король-волшебник, вынужденный вместе с дочерью удалиться в изгнание за море; в те же места попадает и сын гонителя короля, влюбляющийся в дочь последнего, и дело оканчивается браком между молодыми людьми, примирением их отцов и восстановлением

изгнанного короля на престоле.

Большое сходство с «Бурей» представляют также четыре сравнительно недавно опубликованных сценария итальянских комедий импровизации, особенно один из них — «Три сатира», где изображается, как потерпевшие кораблекрушение моряки пристают к острову, над которым властвует «великий маг». Моряки ухаживают за туземками, а туземцы принимают прибывших иноземцев за богов (подобно тому как Калибан обожествляет Стефано). На этой почве возникает ряд комических сцен.

Между прочим, двое туземцев крадут волшебную книгу «мага» (подобно ому как Стефано и Тринкуло хотят похитить книги Просперо). В другом сценарии, очень близком по сюжету, «Панталончино», маг, подобно Просперо, в конце концов отрекается от своей волшебной власти. Хотя рукописи этих сценариев датируются лишь 1618-1622 годами, они почти несомненно являются переработками более старых сценариев, которые вполне могли получить известность в Англии благодаря старым связям между английскими актерскими труппами и труппами итальянской комедии импровизации.

Вполне возможно, что Шекспир использовал для своей пьесы два источника, которые он скомбинировал между собой: какой-нибудь итальянский сценарий, вроде «Трех сатиров» или «Панталончино», и старую пьесу (или, быть может, какую-нибудь новеллу, вроде упомянутой испанской новеллы), послужившую источником и для Айрера. Из первого он заимствовал всю обстановку действия, изображение туземцев и матросов, а вместе с тем разные комические эпизоды, из второй — служение духов волшебнику, историю любви молодых существ и примирение их родителей.

Утрата этих источников не позволяет нам судить о характере обработки Шекспиром заимствованного им материала, но искусство его сказывается уже в том, что пьеса его, построенная из довольно разнородных материалов, производит впечатление полного стилистического и сюжетного единства.

«Буря» — единственная пьеса Шекспира, в которой почти полностью соблюдено единство места и вполне, даже с избытком, — единство времени. Из нескольких мест пьесы (I, 2; и V, 1) следует, что все действие происходит в течение примерно четырех часов.

Мы охарактеризовали в своем месте творчество Шекспира последнего периода, отметив в его поздних творениях черты, приближающие их к модному в то время жанру трагикомедии. Такой трагикомедией была, по

существо, и «Буря», представляющая собой живописное и развлекательное зрелище, где отсутствуют большие гуманистические проблемы и героическая борьба за лучшие идеалы, уступая место мягкой гуманности и духу всепрощения. Центральное место в «Буре» занимает образ «мудреца» Просперо (prospero — по-итальянски — «счастливый», с оттенком: «блаженный», «безмятежный»), который своей великодушной волей и глубокими познаниями в магии (конечно, «белой магии», направленной на извлечение из природы всего доброго и целебного, а не зловещей и губительной «черной» магии) обуздывает эгоистические побуждения в себе и в других, в конце концов направляя судьбу всех окружающих к их собственному и общему благу. Но все это происходит уже без борьбы и конфликтов (как в прежних трагедиях или в наиболее глубоких, «проблемных» комедиях Шекспира), разыгрывается как по нотам по мановению волшебного жезла Просперо, знающего наперед, когда и что ему надо предпринять и чем все это кончится.

И потому истинным ключом к пониманию этой чудесной комедии, венца всех последних пьес Шекспира и завершения в известном смысле всего его творческого пути, является, пожалуй, не логическая, а музыкальная ее интерпретация. Не случайно вся пьеса в гораздо большей степени, чем все остальные творения Шекспира, симфонична, являясь игрой звуков, песен, стонов, радостных и печальных: рев морских волн, завывание ветра, стоны бури, шепот леса, шорох человеческих шагов в зарослях или по песчаному берегу — все то, что мы слышали в звуках вдохновенной увертюры-фантазии Чайковского «Буря». Голоса природы — голоса мироздания...

Но ни на миг не замолкают у Шекспира и голоса человеческие — голоса гнева, обиды, жалобы, восхищения, любви. И есть в «Буре» еще один, первостепенной важности момент. Здесь Шекспир отразил в прямой и развернутой форме одно из крупнейших исторических явлений своей эпохи: политику колониальной экспансии, столь существенную для процесса первоначального капиталистического накопления, и все связанные с ней общественно-моральные проблемы. Ответ его на все это характеризуется двойственностью, отражающей сложность позиций Шекспира в этот последний период его творчества.

Старший современник Шекспира, французский гуманист Монтень, настроенный отрицательно к поднимающейся вокруг него феодальной реакции, реагировал в своих «Опытах» (1588) на новую для того времени картину жизни американских дикарей идеализацией ее, фантазией о блаженной жизни первобытных людей, не знающих насилия, чинов и

рангов, корыстных влечений, раздирающих общество культурных европейцев. Еще раньше из описаний жизни дикарей почерпнул краски Томас Мор для набросанной им в «Утопии» (англ. изд. 1551) картины идеального устройства человеческого общества, где нет ни государственной власти, ни частной собственности, ни тяжелой нужды, ни угнетения человека человеком. Несколько иначе реагирует на все это Шекспир в своей «Буре». Он как будто оправдывает, даже обосновывает методы колониальной политики с закабалением туземцев, изображая Калибана как существо по природе своей тупое и злобное, умственно и морально неполноценное, годное лишь на то, чтобы таскать дрова да подвергаться за свою строптивость телесным наказаниям, а Просперо — как «естественного» его повелителя, истинного «культуртрегера» далеких стран.

Как мало похоже это «решение расовой проблемы» на то, которое Шекспир намечал ранее в «Венецианском купце» и в «Отелло»!

Однако Шекспир не мог до конца отречься от своих старых позиций. Наряду с указанным решением вопроса в пьесе мелькает другая точка зрения, ему противоположная. Любопытна прежде всего фантазия Гонзало (самого разумного и «положительного» персонажа в пьесе после самого Просперо), развиваемая им сразу же после того, как он и его спутники попадают на остров (II, 1). Подобно Монтеню (послужившему здесь Шекспиру прямым источником), он также мечтает о создании на этом острове государства, где не будет ни денег, ни торговли, ни чинов, ни наследства, ни «огораживания» (злоба дня тогдашней экономически развивающейся Англии), ни даже правительства... Слушатели поднимают Гонзало на смех, но остроты их тупы и плоски, как сами они, и симпатии автора и читателей — целиком на стороне Гонзало.

Но еще важнее другое: замечательный показ методов «колонизаторов» в той сцене, где Стефано опаивает Калибана, который за «божественный» напиток выражает готовность стать навеки его рабом и предоставить ему все естественные богатства своего острова:

«Пойдем, я покажу тебе весь остров.

Я буду ноги целовать тебе.

Прошу, будь моим богом!

.....

Я покажу тебе все родники,

Рыб наловлю, насобираю ягод,

Дров принесу...» (II, 2).

Водка и бич плантатора — таково гениально вскрытое Шекспиром резюме миссионерско-культуртрегерских методов первоначального накопления в применении к «дикарям». И еще замечательно другое: изображение бунта Калибана. Упрощенно и нескладно выражает он сначала Просперо свой протест:

«Я этот остров получил по праву
От матери, а ты меня ограбил.
.....
Сам над собою был я господином,
Теперь я — раб. Меня в нору загнали,
А остров отняли» (I, 2).

За этим следует прямое восстание. Правда, не во имя абсолютного освобождения (в данной ситуации оно Калибану недоступно, хотя он сильнее всего мечтает о нем), а только ради замены одного хозяина другим, «худшего», по его понятиям, «лучшим». Но все равно: им владеет порыв к свободе, находящий выражение в его неистовой, подлинно бунтарской песне:

«Прощай, хозяин мой, прощай!..
Не стану я ему в угоду
Весь день таскать дрова и воду,
И рыбу загонять в запруду,
И стол скоблить, и мыть посуду.
Прочь, рабство, прочь, обман!
Бан-бан! Ка... Калибан,
Ты больше не один:
Вот новый господин!
Твой добрый господин!

Свобода, эгей! Эгей, свобода! Свобода, эгей! Свобода!» (II, 2)

Интересно далее, как осуществляется это восстание. Калибан, Стефано и Тринкуло отправляются убивать Просперо. По дороге Ариэль развешивает красивые одежды, которые прельщают обоих европейцев. Калибан в отчаянии, он умоляет своих спутников не соблазняться этим тряпьем, не задерживаться, а прямо идти к главной своей цели — свободе,

но уговоры его бессильны. Калибан оказывается на голову выше Стефано и Тринкуло. Только он один одушевлен порывом к свободе, только он один — настоящий мятежник.

Шекспир, несомненно, не мог долго удержаться на новых, частично вынужденных позициях, так противоречивших мироощущению и художественному методу цветущей поры его творчества. Чувствуя, в какое нестерпимое противоречие с самим собой он попал, он предпочел расстаться со сценой и уйти в частную жизнь стретфордского горожанина и семьянина. Решение его было, конечно, сознательным. Правы те критики, которые видят в «Буре» прощание Шекспира с театром. Это придает пьесе оттенок глубокой грусти, сконцентрированной в образе Просперо. Соединив Миранду и Фердинанда, обеспечив им и себе счастливое будущее, он сразу же после великолепной феерии, показанной обрученным, впадает в печальное раздумье, предсказывая наступление момента, когда весь мир разрушится и все, что было так прекрасно и так нас радовало, исчезнет без следа, ибо

«Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь» (IV, 1).

И он прибавляет, ставя, как это часто бывает у Шекспира, точку над i:

«Взволнован я. Простите эту слабость»,

Хотя духи, казалось бы, могли служить Просперо с пользой для него и на родине, он все же, покидая остров, отпускает их навсегда. И тот же пониженный, грустный тон слабого, отрекшегося от своей власти и от борьбы человека слышится в эпилоге пьесы, который произносит Просперо.

Остров и духи, говорят критики, — это та сцена и то служение искусству, с которым расстается Шекспир. Весьма возможно. Но в более глубоком плане уход Просперо с острова — признание великого писателя и борца в глубокой усталости, охватившей его, в утрате им веры в возможность победы и в уходе в мир сказки и музыкальной фантазии.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «БУРИ»

1

Действующие лица. — *Просперо* — итальянское (как почти все имена в этой пьесе), означает: «счастливый».

Калибан — как думают, не что иное, как измененная форма слова «каннибал»; по другому предположению, имя это взято из цыганского языка, на котором «sauliban» означает черноту.

Имя *Тринкуло* явно родственно немецкому слову «trinken» — «пить» и французскому «trinquet» — «чокаться».

Миранда — «достойная удивления».

Имя *Ариэль* — древнееврейского происхождения: в средневековой раввинской литературе так называется один из ангелов; причиной выбора этого имени для обозначения «воздушного» Ариэля явилось, без сомнения, созвучие его с итальянским «aria», английским «air» — «воздух».

2

Но помоги мне снять мой плащ волшебный! — Сила Просперо как волшебника зависит от его чудесного плаща.

3

Бермудские острова находятся в Атлантическом океане, на северо-восток от Антильских. В начале XVII века были колонизованы англичанами из Виргинии. В этом районе часто бывают бури. Здесь одна из

нередких у Шекспира географических вольностей: пересекая Средиземное море, флот неаполитанского короля оказался у побережья Америки.

4

...зловредная роса, что мать сбирала пером совиным с гибельных болот! — О ведьмовском колдовстве подобного рода рассказывается в латинском трактате того времени «О свойствах вещей» (1582). Там же упоминается вредоносный юго-западный ветер, о котором говорит дальше Калибан.

5

Сетебос. — Согласно Идену, автору «Истории путешествия в западную и восточную Индию» (1877), этим именем патагонцы называли своего «главного дьявола».

6

...погиб миланский герцог вместе с сыном... — По-видимому, небрежность Шекспира: сын миланского герцога в тех сценах, где выводятся спасшиеся от кораблекрушения, не упоминается.

7

Дидона — карфагенская царица, история которой рассказана в «Энеиде» Вергилия (песнь IV); часто упоминается в произведениях Шекспира.

Устроил бы я в этом государстве... — Вся эта речь Гонзало об идеальном устройстве человеческого общества является прямым отражением того места из «Опытов» Монтеня (кн. I, гл. 30), где дается картина морально чистой жизни дикарей, близкой к состоянию первобытного коммунизма.

Огораживание — насильственное изгнание крестьян с земли, которую присваивали себе помещики, — одна из форм первоначального накопления капитала в Англии (а также и в других странах).

А потом бы поохотились с факелами на птиц. — Во времена Шекспира практиковалась ночная охота на птиц при факелах.

Они то корчат рожи, как мартышки... — Все это описание мучений, причиняемых духами, заимствовано Шекспиром из книги Харснета «Обличение отменных папистских плутней» (1603).

Будь я сейчас в Англии — а я там был однажды, — да показывай я эту рыбу... — Во времена Шекспира в Англии показывали за деньги заморские диковины, а также привезенных из Америки туземцев.

13

Здесь у меня есть что-то — оно развяжет тебе язык, киска. — Намек на английскую пословицу: «От хорошей выпивки и кот заговорит».

14

Нет, надо уходить, — у меня нет длинной ложки. — Намек на пословицу: «Хочешь есть с дьяволом, запасайся длинной ложкой» (ибо иначе он будет перехватывать у тебя твою долю).

15

...она показывала мне тебя, твой куст, твою собаку. — По народному поверью, пятна на луне изображают фигуру Каина или какого-то другого великого грешника, осужденного жить на луне. Он якобы стоит там неподвижно около куста.

16

Живые куклы — намек на театр марионеток или кукольный театр.

Единорог — баснословное животное, описанное многими древними писателями и играющее значительную роль в средневековых легендах. Его изображали в виде коня с черным рогом посреди лба.

Феникс — в древнеегипетской мифологии птица, сжигающая себя каждые 500 лет и возрождающаяся из пепла; символ вечного возрождения.

Гарпия — в античной мифологии чудовище, имевшее вид птицы с женской головой. Гарпии мучили людей и, отличаясь прожорливостью, похищали и оскверняли их пищу. Предполагается, что Ариэль — гарпия — пожрал все яства.

Маска — так во времена Шекспира назывались музыкально-драматические представления на условно-мифологический сюжет.

Ирида — в греко-римской мифологии богиня радуги и вестница Юноны — покровительницы женщин и брака.

22

..летят ее павлины. — Павлин считался священной птицей Юноны.

23

Церера — богиня плодородия.

24

Плутон — бог подземного царства; по воле богини любви Венеры и ее сына Купидона влюбился в дочь Цереры Прозерпину и похитил ее.

25

Пафос — город на острове Кипре, считавшийся местопребыванием Венеры.

26

Вы, крошки эльфы, что при лунном свете в незримой пляске топчете

траву, которую потом обходят овцы! — По народному поверью, кружки очень яркой и сочной травы, попадающиеся на равнинах Англии, являются местом, на котором ночью танцуют эльфы и феи; скот будто бы не ест этой «замороженной» травы.

А. Смирнов

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)